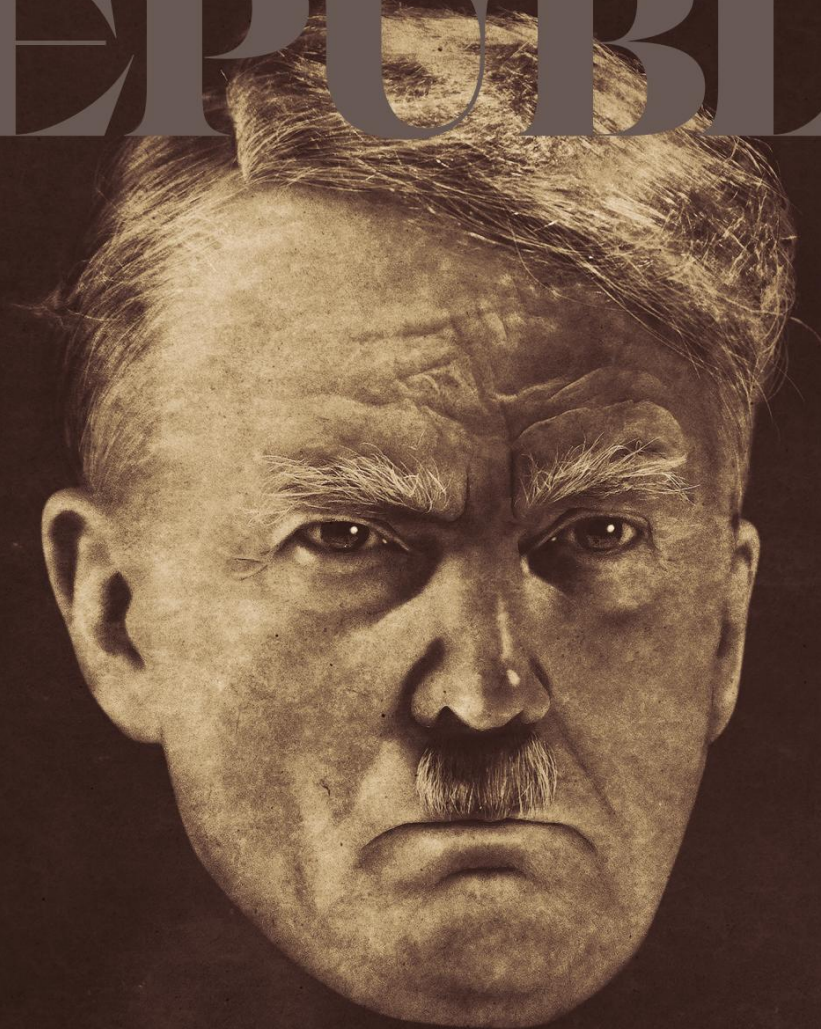

THE NEW REPUBLIC

июнь 2024 г.

Американский фашизм

КАК ЭТО БУДЕТ ВЫГЛЯДЕТЬ

/// СПЕЦИАЛЬНЫЙ ОТЧЕТ ///

РУТ БЕН-ГИАТ / РОЗА БРУКС / МОРИН КОРРИГАН

ФЕДЕРИКО ФИНЧЕЛШТЕЙН И ЭММАНУЭЛЬ ГЕРИСОЛИ / ФРАНЦИСКО ГОЛДМАН

ДЖЕЙСОН СТЭНЛИ / БРАЙАН СТЕЛТЕР / КИАН ТАДЖБАХШ

ЧТО

Американский фашизм

БЫ ВЫГЛЯДИТ ТАК

«НЕТ, НЕТ» , - НЕКОТОРЫЕ УПОВЕДУЮТ: «Не увлекайтесь. Конечно, Дональд Трамп опасен, возможно, он уникален. Но... фашистский? Необходимость заклеить его как фашиста говорит больше о том, кто навешивает ярлык, чем о Трампе» . Этот аргумент возник в определенных кругах правых, чего и следовало ожидать, но он также вырос и в левых, где возникла точка зрения, что «истерическое» обращение к слову на букву «f» представляет собой такую же опасность, как и левая. Трамп.

Нам трудно увидеть истерию. Мы выбрали изображение на обложке этого номера по определенной причине: любой, кого перевезли обратно в Германию 1932 года, мог очень, очень легко объяснить эксцессы герра Гитлера и быть убежденным, что его критики переборщили. В конце концов, он провел 1932 год, ведя предвыборную кампанию , ведя переговоры, давая интервью, будучи в основном нормальным политиком. Но он и его люди все время клялись, что будут использовать инструменты демократии, чтобы уничтожить ее, и это произошло только после того, как он

получил власть, чтобы Германия увидела его движение анфас.

Сегодня мы в The New Republic думаем, что можем провести этот год выборов одним из двух способов. Мы можем потратить его на обсуждение того, соответствует ли Трамп девяти или 17 пунктам, определяющим фашизм. Или мы можем потратить это время на слова: «Он чертовски близко, и нам лучше сразиться».

Мы безоговорочно выбираем последний путь. Итак, мы собрали здесь некоторых из наших ведущих интеллектуальных историков фашизма; член четвертой власти, который на собственном опыте узнал, как ощущается удар плетью Трампа; ведущий эксперт по военно-гражданским отношениям; великий гватемальско-американский писатель, глубоко понимающий жизнь иммигрантов; один из наших самых пронизательных культурных критиков; и человек с вполне реальным опытом жизни при пресловутом авторитарном режиме. Сценарии, которые они описывают, безусловно, мрачны. После прочтения этих произведений мы осмелимся сказать , что они невозможны. — Майкл Томаски

Политика и правительство

ПЕРМАНЕНТ КОНТЕРРЕВОЛЮЦИЯ

Рут Бен-Гиат

«НАМЕРЕН ЛИ ФАШИЗМ восстановить государственную власть или подорвать ее? Это порядок или беспорядок? Можете ли вы быть консерваторами и подрывниками одновременно?» За шесть месяцев до Марша на Рим в октябре 1922 года, когда Бенито Муссолини был главой Фашистской партии и ее децентрализованного военизированного движения, он выделил противоречия, лежащие в основе фашизма, которые остаются фундаментальными для авторитаризма сегодня.

За 21 год своего пребывания у власти, из них 18 в качестве диктатора, Илья Дуче представлял фашизм как революцию реакции против левых, против либеральной демократии и против любой группы, которая угрожает выживанию белой христианской цивилизации. Осуществляя насильственную дестабилизацию общества во имя возвращения к социальному порядку и национальным традициям, фашизм стал пионером авторитарной формулы, используемой сегодня: лишение избирательных прав и подавление многих, чтобы позволить немногим эксплуатировать рабочую силу, женские тела, окружающую среду, и экономика.

Трампизм – в этой традиции. Оно началось в 2015 году как движение, подогреваемое консервативной тревогой и гневом белых сельских жителей на многорасовую и прогрессивную Америку. Это продолжалось как авторитарное президентство, которое рассматривалось как «шок для системы», вызвавшее волны преступлений на почве ненависти против цветного населения и нехристиан. Кульминацией его стал штурм Капитолия 6 января — контрреволюционная операция в духе фашизма. Целью применения насилия было не просто удержать Дональда Трампа у власти, но и не допустить прихода к власти представителей социального и расового прогресса.

ПРОЕКТ 2025 КАК КОНТЕРРЕВОЛЮЦИЯ

ФАШИСТЫ ВЕРИЛИ, что нужно разрушать, чтобы созидать, и именно это сделала бы вторая администрация Трампа. «Проект 2025» — это план авторитарного захвата Соединённых Штатов, носящий обманчиво нейтральное название. Он сохраняет первоначальные радикальные намерения трампизма в своих целях «[д]емонтировать административное государство» и «децентрализовать и приватизировать насколько это возможно», позволяя американскому народу «жить свободно». «[Администрация Трампа, имея самые благие намерения, просто начала медленно]», — заявил в январе The New York Times глава Фонда наследия Кевин Робертс. «И «Наследие» и наши союзники по Проекту 2025 считают, что это никогда не должно повториться». Решением этого «медленного старта» (когда ограничений, налагаемых функционированием в условиях демократии) является контрреволюция.

План обещает упразднение Министерства образования и других федеральных агентств. Цель здесь состоит в том, чтобы разрушить правовую и управленческую культуру либеральной демократии и создать новые бюрократические структуры, укомплектованные новыми политически проверенными людьми.

Кадров, для поддержки автократического правления. Таким образом, могут появиться новые агентства, которые будут управлять правами родителей и семьи, христианскими делами и другими столпами нового порядка. Министерство здравоохранения и социальных служб призвано играть центральную роль в управлении, учитывая приоритеты, которые трампизм ставит на контроле за сексуальностью, использовании материнства в качестве оружия, преследовании трансгендеров и ЛГБТ-сообществ, а также криминализации аборт.

Во время президентства Трампа крайний правый римско-католический адвокат Роджер Северино возглавил Управление по гражданским правам Министерства здравоохранения и социальных служб, превратив его в офис, который уделял приоритетное внимание защите прав белых христиан и «естественной семьи». Во время его пребывания в должности министерство запретило использование слов «плод» и «трансгендер» в правительственных сообщениях и предприняло другие шаги, давно поддержанные христианами-евангелистами и их крайне правыми союзниками в политике.

В будущем этот офис может быть преобразован в автономную организацию.

Присвоение гражданских прав белым христианам способствует достижению трампистской цели делегитимации дела расового равенства, а также делает христианский национализм основной ценностью внутренней политики. Покончить с разделением церкви и государства — цель многих архитекторов трампизма, от участника «Проекта 2025» Рассы Вуота до крайне правого прозелитиста Майкла Флинна, который использует идею «духовной войны» в качестве контрреволюционного топлива.

Даже если Министерство образования будет упразднено, его место, похоже, займет какое-то другое учреждение, поскольку маловероятно, что задача уничтожения либерально-демократических моделей педагогики будет полностью оставлена на усмотрение отдельных государств. Не каждый сможет обучать своих детей на дому — предпочтительный экстремистский вариант, поскольку он лишает детей воздействия многоконфессиональной и многорасовой среды государственных школ. Не так уж и надуманно представить себе специальную Библию, которую пропагандирует Трамп, включающую Конституцию, Декларацию независимости и Клятву верности, в качестве обязательного текста в христианской националистической учебной программе.

Муссолини положил начало своему контрреволюционному полицейскому государству в 1920-е годы с принятия новых законов об «общественной безопасности», которые оправдывали арест любого, кто считался угрозой безопасности — то есть любого, кто выступал против фашизма с либерально-демократической или левой точки зрения. Заявление Трампа столетие спустя о том, что «люди внутри нашей страны» представляют «величайшую угрозу» для Соединённых Штатов, и его желание «искоренить [их]» могут привести к контртеррористическим и антиповстанческим операциям. Это потребует перестройки или расширения существующих федеральных органов безопасности и органов безопасности штатов — например, если Национальная гвардия будет федерализирована или начнутся обещанные массовые депортации нелегальных иммигрантов.

Контрреволюцию будут транслировать по телевидению. Учитывая неоднократные угрозы Трампа осуществить «возмездие» против его врагов, ожидайте быстрых и эффектных объявлений о судебных процессах и расследованиях.

политической оппозиции, членов специального комитета 6 января и всех, кто пытался привлечь его к ответственности.

«Он начнет сажать людей в тюрьму, и я буду в верхней части этого списка», — сказал генерал Марк Милли, бывший председатель Объединенного комитета начальников штабов — человек, не склонный к преувеличениям, который понимает, как действуют автократы.

КУЛЬТ ЛИДЕРА И ПРАВИЛО ПЕРСОНАЛИСТА

АВТОРИТАРИЗМ — это политическая система, в которой исполнительная ветвь власти может осуществлять непропорциональную или полную власть над законодательной и судебной властью. Это дает лидеру возможность минимизировать или отменить ограничения на свое поведение, а также избежать ответственности за свои коррупционные и насильственные действия.

Поддержание этой культуры безнаказанности является причиной того, почему авторитарные лидеры преследуют прессу, прокуроров, оппозиционных политиков и судей, каждый из которых может разоблачить их преступления или отправить их в тюрьму, и почему их культ личности представляет их жертвами «охоты на ведьм», призванной помешать им спасти нацию. «Проект 2025» занимает открыто авторитарную позицию, утверждая «экзистенциальную необходимость агрессивного использования огромных полномочий исполнительной власти» в Америке, как будто нация потерпит неудачу, если демократическая система, построенная на сдерживании президентской власти, рухнет. продолжать.

Трамп усердно работал с 2015 года, чтобы заставить общественность воспринимать лидерство как единственный выбор для Америки.

С этой целью он неоднократно восхвалял авторитарных режимов по всему миру. Премьер-министр Венгрии Виктор Орбан является музой Трампа, Республиканской партии и Фонда «Наследие» за свой успех в бренде авторитарного управления, который первая администрация Трампа представила Америке, а его вторая администрация будет стремиться укрепить: персоналистское правление.

Лидеры-персоналисты организуют правительственные учреждения ради самосохранения. Их частные интересы и потребности формируют партийную политику, законодательные действия и национальную политику точно так же, как их отношения с иностранными автократами влияют на внешнюю политику. Премьер-министр Сильвио Берлускони, который на протяжении десятилетия служил переводчиком взглядов и желаний Владимира Путина в Европе, смог персонализировать внешнюю политику Италии. Он исключил итальянских дипломатов из встреч с Путиным, разрешив присутствовать только своему личному переводчику-посланнику Валентино Валентини. Позднее итальянское парламентское расследование показало, что Берлускони получил бы откат от прибыли от планируемого строительства трубопровода «Южный поток», построенного Италией и Россией.

Трамп придерживается аналогичного собственнического видения управления, поэтому секретные документы национальной безопасности оказались в ванной его частной резиденции во Флориде. Как и большинство автократов, Трамп рассматривает занятие государственной должности как средство личного обогащения. Вот почему с 2017 по конец 2019 года он провел треть своего времени, посещая объекты недвижимости под брендом Трампа. Такое корыстное поведение, скорее всего, широко распространится при второй администрации, учитывая его хвастовство в ходе предвыборной кампании по поводу получения

более 7 миллионов долларов от Китая и других иностранных правительств за «оказание услуг», пока он был президентом.

ВНУТРЕННЕЕ Святилище и вечеринка

Основой авторитарного управления является внутреннее святилище: небольшой круг инсайдеров, в который часто входят зятья и другие родственники, которые хранят секреты лидера, участвуют в его коррупции и не позволяют любой критике дойти до его ушей. В этот неформальный кабинет часто входят люди, которых лидер знает уже много лет.

В ближайшее окружение Путина входят люди, которых он знал еще со времен своего Петербургского президентского срока.

Петербургские дни. Берлускони возглавлял Марчелло Делл'Утри, сенатор от его партии, который руководил его рекламной фирмой Publitalia и служил его связующим звеном с Opus Dei и мафией.

В святилище Трампа входили Иванка Трамп и Джаред Кушнер, у которых были офисы в Белом доме и которые

за время президентства Трампа заработали до 640 миллионов долларов внешнего дохода. В будущей администрации меньшее количество федеральных агентств будет означать меньший размер президентского кабинета, состоящего из утвержденных Конгрессом чиновников, и большую роль стойких лоялистов.

Экстремисты, которых Трамп помиловал в 2020 и 2021 годах за преступления от его имени, от Флинна до Стива Бэннона, могут вернуться на влиятельные позиции в качестве руководителей контрреволюции для светских и религиозных кругов. Какая-то мага

лоялисты уже проходят прослушивание на должности в кабинете министров. Ричард Гренелл, который посещает иностранных лидеров в качестве «посланника Трампа», консультировал клиентов в Иране и Китае и имеет тесные связи.

среди сторонников Орбана в Венгрии — его пиар-фирма работала на некоммерческую организацию, финансируемую венгерским правительством (факт, который он не смог раскрыть, будучи исполняющим обязанности директора национальной разведки при Трампе).

Для правителя-персоналиста партия существует для того, чтобы защищать, мстить и обогащать его. Республиканская партия взяла на себя эти роли, участвуя в заговоре с целью помочь Трампу свергнуть правительство и вывести личные юридические и финансовые проблемы Трампа на передний план партийного бизнеса. Поэтому неудивительно, что невестке Ларе Трамп было поручено оптимизировать Национальный комитет Республиканской партии для достижения целей персоналистского правления. СРН долгое время был инструментом Трампа: он продолжал оплачивать юридические расходы Трампа еще долгое время после того, как он покинул свой пост. Теперь Лара Трамп поклялась, что «каждая копейка» денег СРН будет потрачена на возвращение ее тестя в офис. Вскоре СРН вполне может стать частным банком Трампа, лишенным каких-либо политических целей, и тогда его трансформация в автократический инструмент будет завершена.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА

КАЖДОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ нужны дисциплинированные кадры. «Проект 2025» готовит гражданскую армию бюрократов для преобразования правительства США. Во время режима Муссолини политики и идеологи обсуждали, как сформировать новую политическую элиту, привитую фашистским ценностям. У Орбана есть Брюссельский колледж имени Матиаса Корвинуса, основанный в 2022 году для обучения крайне правых мыслителей

менеджеры по Венгрии и Европе. У трампизма есть малоизвестная Академия президентской администрации, целью которой является подготовка «политических назначенцев к готовности в первый же день» — когда предположительно начнется каскад контрреволюционных указов. Обучение государственных служащих в академии ведется по принципу «консервативного управления», но цель состоит в том, чтобы победить идеал аполитичной государственной службы и дать толчок контрреволюции путем увольнения тысяч нелоялистов, приверженцев истории фашизма.

Президентство Трампа создает прецедент для множества способов изгнания государственных служащих. Создание враждебных рабочих мест для критиков и наем множества фанатиков и хулиганов — Шон Лоулер, руководитель протокола Трампа, носил с собой кнут, чтобы запугать коллег — Трампизм осуществил пассивную чистку, в результате которой за первые девять месяцев его правления более 79 000 государственных служащих ушли на пенсию или оставили свои рабочие места. В 2018 году посол в отставке Нэнси МакЭлдаунн сравнила

этот процесс с «враждебным поглощением и оккупацией».

В 2024 году это выглядит как репетиция контрреволюционной чистки от всех, кто все еще придерживается либерально-демократической этики и норм.

АМЕРИКАНЦЫ МОЖЕТ ПОВЕРИТЬ, что все это звучит фантастически. Однако особый талант силача заключается в том, чтобы воплощать в жизнь немыслимое. Люди во всем мире и на протяжении всей истории были застигнуты врасплох их методами и масштабами, в которых они действуют. Бэннон, Робертс, Стивен Миллер и другие американские воплощения фашизма убеждены, что контрреволюция, ведущая к автократии, является единственным путем к политическому выживанию для крайне правых, учитывая непопулярность их позиций (особенно в отношении абортов) и множество идей их лидера. юридические проблемы. Вот почему Проект 2025

заявляет, что существует «экзистенциальная необходимость» в «агрессивном» использовании исполнительной власти. Альтернативой может быть поражение.

Муссолини хорошо понимал эту ситуацию. В 1923 году, когда он еще был премьер-министром демократической страны, он размышлял о проблеме того, что судьба человека решается прихотями электората.

«Согласие изменчиво, как морской песок», — писал он, отмечая, что есть только один способ справиться с «недовольными людьми», которые могут проголосовать за вас: «Вы предотвращаете это с помощью силы; окружив массу силой; применяя эту силу без жалости, когда это необходимо». Менее чем через два года Иль Дуче объявил о начале диктатуры в Италии, лишив население права выражать свою политическую волю.

От шумных толп в шляпах-мага, которые заполняют митинги Трампа, до тихих фанатиков в костюмах, таких как Миллер и Робертс, и лидера партии, который объявляет, что он будет диктатором в «первый день» своей администрации, трампизм — это то, как выглядит фашизм в США. Америка XXI века. Если Трамп вернется в Белый дом, готовьтесь к новому раунду «потрясений системы». Авторитаристы часто рассказывают нам, что они собираются делать, а Трамп, Республиканская партия и политические операторы «Проекта 2025» открыто заявляют о своих планах захватить власть и провести контрреволюцию, призванную удерживать их там на неопределенный срок.

IN

Рут Бен-Гиат — профессор истории и итальянских исследований в Нью-Йоркском университете и автор книги «Силачи: Муссолини до наших дней».

Закон ДИКТАТУРА

«ДЕНЬ ПЕРВЫЙ»

Федерико Финчельштейн и Эммануэль Геризоли

В ПРОШЛОМ ДЕКАБРЕ, когда его спросили, будет ли он злоупотреблять властью в случае переизбрания президентом, Дональд Трамп ответил: «За исключением первого дня». Короче говоря, если верить собственным словам Трампа, конституционный порядок, каким мы его знаем, будет подрван с момента его вступления в должность.

Конечно, здесь есть много неизвестных, начиная со способности трампистов осуществить то, что они уже сказали нам о своих планах. Но Трамп и его люди почти сказали нам, что во время второго срока Трампа Соединенные Штаты могут приблизиться к фашистской форме правления под руководством мессианской личности.

Без диктатуры не может быть фашизма. Эта форма постоянной власти символизирует фашистское мировоззрение.

Основная цель фашизма – разрушить демократию изнутри, чтобы создать современную диктатуру сверху. Фашисты предлагают тоталитарное государство, в котором плюрализм и гражданское общество будут подавлены, и будет мало различий между общественным и частным, или между государством и его гражданами. Фашистские режимы закрывают независимую прессу и разрушают верховенство закона. Будут ли все эти действия частью обещанной однодневной диктатуры?

Будет ли американская диктатура похожа на прошлый опыт нацизма и итальянского фашизма? История не повторяется так четко, но одно можно сказать наверняка: если Трамп победит и решит попробовать свою однодневную диктатуру, президент также станет законодателем, заменив законность своей собственной харизматической волей.

Второе президентство Трампа может представлять собой тотальную атаку на власть закон. Как это может закончиться? В прошлых фашистских режимах разрушение правления

Закон потребовал двух шагов. Во-первых, его приостановление посредством объявления чрезвычайного положения или делегирования законодательной власти (законодательный орган передает свои законотворческие полномочия исполнительной власти). Во-вторых, это насильственная подрывная деятельность путем трансформации юридического и политического порядка посредством эрозии принципов разделения властей и сдержек и противовесов, которые не позволяют конституционным демократическим режимам стать авторитарными. И Муссолини, и Гитлер передали представительство народа в парламенте и, следовательно, право принимать законы исполнительной власти. Дуче и фюрер стали законными воплощениями народа. Следовательно, их воля была единственным законным выражением национальных законов. Руководитель прерогатива, коренящаяся в произволе, произволе и насилии, заменила нормативный правовой порядок, основанный на верховенстве закона и процедурности.

У Трампа не будет подобных институциональных механизмов, которые позволяли Гитлеру или Муссолини устанавливать диктатуры и персонифицировать закон. С самого начала Гитлер воспользовался чрезвычайными конституционными полномочиями, чтобы приостановить гражданские права и арестовать членов оппозиционных партий, а затем вынудил Рейхстаг утвердить декрет о Законе о полномочиях, предоставляющий исполнительной власти полные законодательные полномочия. Подобным же образом Муссолини, после организации попытки государственного переворота, запугал парламент, чтобы он обеспечил законодательную делегацию полных полномочий для реорганизации институционального и юридического порядка, что постепенно привело к установлению тоталитарного режима.

В конституционном праве США принцип разделения властей ограничивает делегируемые полномочия

законодательства и актов Конгресса, которые уполномочивают орган исполнительной власти издавать ряд постановлений. В принципе, это должно предотвратить возникновение тоталитарной диктатуры Трампа в краткосрочной перспективе, поскольку конституционная доктрина отказа от делегирования запрещает Конгрессу полностью передавать свои основные законодательные функции исполнительной власти. Однако ряд законных путей может быть извращен, чтобы сделать возможным авторитарное правительство.

Например, в первый день Трамп мог бы использовать дискреционные полномочия, доступные исполнительной власти, в диктаторских целях. Он мог бы поручить ФБР и Министерству юстиции преследовать своих политических соперников посредством расследований и обвинений, основанных на расплывчатых обвинениях, таких как подстрекательство к насилию, клевета, агентура иностранной державы, коррупция или подрывная деятельность. Возможные цели могут включать не только Джо Байдена или членов его семьи, но и частный бизнес, медиа-компании, организации гражданского общества и университеты. Чтобы обеспечить принятие исполнительных указов и директив агентств, Трампу придется очистить федеральное правительство от государственных служащих, которые могут отказать, подвергнуть сомнению или задержать их.

Короче говоря, Трамп мог бы подготовить почву для трансформации нормативной, процедурной федеральной администрации в администрацию, управляемую дискреционностью и личными прерогативами. Заселение государственной бюрократии лоялистами или параллельными партийными структурами использовалось в прошлом Муссолини и Гитлером, а также Хуаном Пероном в прошлом.

Аргентина и испанский диктатор Франсиско-го Франко. Сегодня такая тактика применяется

Виктор Орбан в Венгрии и Реджеп Тайип Эрдоган в Турции.

ТРАПИСТСКИЙ РЕЖИМ может также проводить экспансивную, авторитарную и дискреционную интерпретацию президентских полномочий исполнительной власти. Статья 2 Конституции наделяет исполнительную власть исключительно президентом. Таким образом, Трамп теоретически мог бы поставить всю исполнительную власть под прямой президентский контроль, исключив относительную автономию департаментов кабинета министров, таких как Министерство юстиции или Пентагон. Кроме того, что менее очевидно, существует множество федеральных агентств, которые входят в состав исполнительной власти, но пользуются некоторой изоляцией от прямого президентского контроля – Федеральная резервная система, Федеральная комиссия по связи, Федеральная торговая комиссия и многие другие. Представьте себе эти и другие агентства как инструменты дискреционной или произвольной власти одного человека.

Чрезвычайные полномочия также вызывают обеспокоенность. Раньше чрезвычайные полномочия

были спровоцированы предыдущими фашистскими лидерами, чтобы начать демонтаж верховенства закона. Сегодня в Соединенных Штатах существует около 148 законодательных полномочий, которые могут стать доступными президенту в случае объявления чрезвычайного положения в стране. Чрезвычайные ситуации могут объявляться произвольным образом, поскольку то, что представляет собой чрезвычайную ситуацию, не определено законом, что потенциально позволяет Трампу ссылаться на любую причину для ее оправдания. Эти положения автоматически расширяют prerogatives исполнительной власти во время чрезвычайных ситуаций. Трамп мог бы на законных основаниях использовать их, чтобы начать постоянное подрыв верховенства закона. Например, Закон о связи 1934 года позволял Трампу отключать беспроводную связь, включая Интернет, в случае чрезвычайной ситуации в стране. Чрезвычайные полномочия позволяют ему ограничить внутренние перевозки, заморозить банковские активы и заблокировать финансовые операции или даже следить за политическими врагами. В истории США ранее злоупотребляли чрезвычайными полномочиями.

недавно во время войны с терроризмом, но злоупотребления Трампа могут стать первым шагом к подрыву верховенства закона, легитимизации фашистского режима и подрыву гражданских свобод.

Наконец, есть еще два экстремистских способа установления диктатуры Трампа: Закон о восстании и военное положение. Уже в 2020 году Трамп развлекался, используя Закон о восстании, расплывчато сформулированный пережиток восемнадцатого века, во время протестов Black Live Matters, и его остановил только министр обороны Марк Эспер.

Чрезвычайная ситуация, которая может быть объявлена президентом, может быть использована для установления диктатуры.

что с приходом Трампа к власти недостатка в протестах не будет — Трамп, возможно, не будет унывать. Он мог бы использовать вооруженные силы для оказания помощи местным правоохранительным органам в подавлении гражданских беспорядков или использовать вооруженные силы против любого заговора, который противодействует или препятствует исполнению законов в Соединенных Штатах. Представьте себе, что сейчас, как и в 2017 году, тысячи людей протестуют в международных аэропортах против нового запрета на поездки; Затем Трамп вводит чрезвычайное положение в стране и разрешает Национальному комитету

РИАНКА

Охрана для вмешательства и восстановления порядка на том основании, что штаты или города не могут или не желают обеспечивать соблюдение закона или общественный порядок потерян. Или рассмотрим города-убежища, препятствующие агентам ICE проводить массовые депортации; Трамп запускает Закон о восстании, размещая вооруженные силы на улицах Нью-Йорка, Сан-Франциско или Чикаго. В 1950-х и 60-х годах президенты Эйзенхауэр и Кеннеди направили войска для десегрегации школ на Юге.

Трамп, с другой стороны, мог бы поручить Национальную гвардию в красных штатах для ареста иммигрантов в голубых штатах и городах-убежищах. Примечательно, что в 1827 году Верховный суд постановил, что только президент определяет обоснованность применения Закона о восстании, предотвращая любой судебный пересмотр его решения, хотя действия военных остаются под судебным надзором. А если вооруженные силы откажутся от его приказа? Трамп мог бы последовать примеру Гитлера и Муссолини и милитаризовать несколько правых ополчений, особенно после того, как он помиловал «заложников» 6 января.

Наконец, Трамп мог бы попытаться заменить гражданские власти, включая судебную, военными, введя военное положение. Например, Трамп мог бы объявить чрезвычайную ситуацию на южной границе и учредить военные трибуналы для ареста и депортации мигрантов. Он мог бы оправдать такое решение соображениями национальной безопасности, связанными с терроризмом или незаконным оборотом наркотиков. Он мог бы объявить мексиканские картели иностранными террористическими организациями, а их подозреваемых членов — незаконными вражескими комбатантами, находящимися под военной юрисдикцией, и, как в случае с Гуантанамом, задержать их на неопределенный срок, подвергая пыткам, а Верховный суд, возможно, не остановит его, поскольку это сделал Буш. Верховный суд должен будет признать, что президент превысил исполнительную власть. Фашистская история учит нас, что успешное введение военного или осадного положения, направленное против граждан, воспринимаемых как внешние враги, может впоследствии быть

привык иметь дело с обществом в целом.

ВСЕ ЭТИ СООБРАЖЕНИЯ даже не учитывают возможность того, что Республиканская партия получит большинство в обеих палатах Конгресса в ноябре этого года. Это был бы наихудший сценарий, который мог бы ускорить и укрепить диктатуру Трампа. С большинством в Конгрессе, как в случае с мини-Трампом Наибом Букеле в Сальвадоре или Николасом.

Мадуро в Венесуэле (диктатор, хотя и не фашист), Трамп может настаивать на внесении поправок в конституцию, которые могут варьироваться от разрешения бессрочного переизбрания до ограничения доступа к правам гражданства. Тогда мы будем полагаться на судебную систему, чтобы предотвратить фашистский переворот. Но многие федеральные судьи были назначены Трампом, и новый срок дает ему возможность сформировать судебную систему по своему собственному имиджу, наводнив ее еще большим количеством крайне правых и гиперконсервативных назначенцев.

В случае реализации все эти действия создадут внеправовые сферы, принадлежащие диктаторским убеждениям магов.

движение, но не общество США в целом.

В этом контексте идеология будет преобладать над законностью. Как утверждал в 1941 году немецкий еврейский эксперт по правовым вопросам Эрнст Френкель относительно нападения нацистов на правовую систему, тоталитарное государство в Германии было

ТРАМП МОЖЕТ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ПОЛНОМОЧИЯ, ДОСТУПНЫЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ, ДЛЯ НАПРАВЛЕНИЯ ФБР И ДЕПАРТАМЕНТА ЮСТИЦИИ ДЛЯ НАЦЕЛЕНИЯ НА СВОИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНКУРЕНТОВ, А ТАКЖЕ ЧАСТНЫЙ БИЗНЕС И МЕДИА-ОРГАНИЗАЦИИ.

одновременно «нормативное государство» и «прерогативное государство». На практике это означало, что политические соображения были важнее писаного закона. Последний нормально функционировал только тогда, когда нацистов не волновали рассматриваемые юридические вопросы. Другими словами, правовая теория диктатуры стремилась провести различие между политическими и неполитическими действиями. В первом случае инструменты диктатуры имели приоритет над традиционными судебными органами, тогда как во втором по-прежнему применялось старое правовое государство.

В этом тоталитарном контексте все больше аспектов общества попадало под дискреционную власть режима, а верховенство закона все больше уменьшалось. Сочетание произвола и эффективности грамотность в юридических вопросах успешно скрывает незаконное «истинное лицо» нацистской диктатуры. Френкель подчеркнул, что налет законности способствовал распространению легенды о том, что немецкие фашисты совершили «правовую революцию». Однако их диктатура не была основана на действующих законах.

Как объяснил Френкель, «обладая всеми полномочиями, необходимыми для осадного положения» Национал-социалистам удалось превратить конституционную и временную диктатуру (предназначенную для восстановления общественного порядка) в неконституционную и постоянную диктатуру и обеспечить основу национал-социалистического государства

неограниченные полномочия».

Вот почему объявление временного диктаторского правительства может легко привести к созданию более постоянного правительства. Заявление Трампа об ультракратких диктаторских полномочиях может легко превратиться в бессрочные.

Фашистские диктаторы не были диктаторскими главами нормальных государств. Они развязали незаконные формы крайних репрессий и террора, которые радикально превратили их политические системы в неограниченные, необратимые диктатуры. Это изменение было сделано во имя того, кто воплотил

и его национальная революция. Вот почему нацисты утверждали, что высшим законом в Германии является не приказ диктатора, а его воля. Законность старой системы находилась в полном противоречии с новой легитимностью фашистского лидера.

Если Дональд Трамп станет президентом 20 января 2025 года — в праздник Мартина Лютера Кинга-младшего, — в Соединенных Штатах может быть диктатор только на этот день. Но этого может быть достаточно, чтобы перевернуть демократический мир с ног на голову.

Конечно, мы представили кошмарный сценарий, в котором Трамп переворачивает закон с ног на голову, обращая законность против самой себя. Но этого не должно произойти. Избиратели могут предотвратить это. Но даже если Трамп победит, мы ожидаем, что его авторитарное стремление может быть заблокировано разделением властей и сильной институциональной основой конституционной архитектуры США. И все же опасность диктатуры Трампа нельзя игнорировать. К сожалению, правовая система США не является надежной защитой от превращения в диктаторский режим. Ни один президент еще не пробовал такого радикального подрыва закона.

Трамп — первый подражатель фашистского лидера, имеющий реальный шанс сделать это

Федерико Финчелштейн — профессор истории Новой школы. Его последняя книга — «Подражатели фашистам: руководство к пониманию величайшей угрозы демократии».

Эммануэль Геризоли — научный сотрудник Института Зольберга по миграции и мобильности Новой школы. Он работает над книгой о том, как колониальные правовые системы и процессы расизма сформировали правовую архитектуру войны с террором.

КОНЕЦ ОБРАЗОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЕ СОСТРАДАНИЕ

Джейсон Стэнли

ПРИ АВТОКРАТИЧЕСКОМ премьер-министре Викторе Орбане Венгрия в начале 2020 года представила новую Национальную базовую учебную программу. В учебной программе венгерская литература представлена как литература этнического венгерского населения, даже тех, кто проживает за пределами Венгерского государства после того, как Трианонский договор создал современную Венгрию в 1920 году, сея национальное недовольство, подобное тому, которое возникло в пост-мировом государстве. Первая война Германии после Версальского договора привела к потере немецких земель и колоний. Курс

включает тематические исследования таких тем, как Трианонский договор, в венгерской литературе.

Помимо того, что он вызывает ностальгию и обидчивое стремление к «Великой Венгрии», он демонстративно исключает работу Имре Кертеша, единственного венгерского лауреата Нобелевской премии по литературе, отказываясь от предмета национальной гордости, чтобы стереть вклад еврея, пережившего войну. Холокост. И это добавляет к ядру

учебная программа Ференц Герцег, мелкий правый националистический драматург, которого прославлял и восхвалял Миклош Хорти, венгерский лидер времен Второй мировой войны, который привел к союзу между Венгрией и нацистской Германией. Предыдущие пересмотры основной учебной программы при предыдущей администрации Орбана уже включали в пантеон подобных второстепенных писателей на очевидной политической основе, таких как Йожеф Ньиро, член парламента от фашистской венгерской партии «Скрещенные стрелы», который питал страстную ненависть к Евреям. В новой учебной программе крайне правые венгерские националистические лидеры прошлого представлены как герои.

На этом реконструкция не заканчивается. В мае 2022 года Орбан реорганизовал свою администрацию, передав образование в ведение Министерства внутренних дел, которое отвечает за поддержание порядка посредством правоохранительных органов. Несколько месяцев спустя — вскоре после заявления о том, что Венгрия не станет страной «смешанной расы» — Орбан выступил в качестве основного докладчика на Консервативной конференции политических действий (CPAC) в Далласе, где его приветствовали американские консерваторы. с овациями стоя. В марте 2024 года Орбан посетил Фонд «Наследие» на частное мероприятие. На следующий день его чествовал Дональд Трамп в Мар-а-Лаго.

Виктор Орбан — любимец сегодняшней Республиканской партии. Но американцам не нужно искать за границей, чтобы найти свои собственные версии образовательного авторитаризма. Тони Моррисон, как и Имре Кертеш, является лауреатом Нобелевской премии по литературе. Самый известный роман Моррисона «Возлюбленная» повествует об ужасах рабства. Это стало предметом споров в Вирджинии, печально известном рабовладельческом штате с колониальных времен до гражданской войны; родители назвали книгу непристойной.

В 2016 году законодательный орган штата Вирджиния принял то, что в просторечии стало называться «Возлюбленным законопроектом». Это позволило бы родителям требовать замены любого материала, который, по их мнению, содержит откровенно сексуальный контент, другим материалом. Как и в Венгрии, законопроект фактически исключил бы книгу из любой обязательной учебной программы в Вирджинии. Тогдашний губернатор Вирджинии демократ Терри Маколифф наложил вето на законопроект. Но на выборах губернатора Вирджинии в 2021 году Маколифф потерпел поражение от республиканцев.

Гленн Янгкин, который баллотировался на платформе «прав родителей», таких как право не подвергать своих детей воздействию книг, которые могут вызвать у них дискомфорт.

Как и Кертеш в Венгрии, Моррисон в США является членом национального меньшинства, чья работа напоминает другим о болезненном путешествии этой группы через историю страны. Многим читателям такая работа неприятна. Те, кто стремится взглянуть на прошлое нации через розовые очки, умаляя или стирая ее национальные грехи, ради самовозвеличения или чего-то еще, будут иметь сильную негативную реакцию.

СОВРЕМЕННАЯ Республиканская партия сосредоточена на образовании, пытаясь запугать родителей предполагаемой «марксистской идеологической обработкой» в школах и университетах (обычная тактика в современном фашистском интернационале; см. Бразилию при Жаире Болсонару). Признаком важности этой темы является то, что кампания Республиканской партии против школ и университетов заняла центральное место в предвыборной заявке Трампа в 2020 году. Выступая на мероприятии под названием «Конференция Белого дома по американской истории»

Студентов в наших университетах захлестнула критическая гонка теория. Это марксистская доктрина, утверждающая, что Америка — злая и расистская нация, что даже маленькие дети являются соучастниками угнетения и что все наше общество должно быть радикально преобразовано. Критическая расовая теория навязывается в школах наших детей, ее внедряют в обучение на рабочем месте и используют для того, чтобы разлучить друзей, соседей и семьи.

Тактика изображать всех своих политических оппонентов марксистами и коммунистами и утверждать, что они доминируют в институтах, является отличительной чертой классических европейских фашистских режимов середины двадцатого века. Сегодня это используется как оправдание увольнения учителей и профессоров и замены их лоялистами и ультранационалистами. Даже величайшие университеты демократической страны не застрахованы от разрушения в результате этой стратегии.

как это можно увидеть сегодня в Индии. Сейчас и в прошлом школы и университеты были и были главными объектами фашизма. Нападки на образование, в том числе политические произведения, считающиеся непристойными, являются, выражаясь клише, «канарейками в фашистской угольной шахте» .

Образование в условиях либеральной демократии знакомит учащихся с различными точками зрения на историю страны, чтобы люди могли воспитать в себе своего рода сочувствие и понимание друг друга; то, что мой отец в своей работе называл гражданским состраданием.

Демократия – это система, в которой мы позволяем влиять на себя взглядам наших сограждан. Таким образом , отрезание студентов от взглядов своих соседей превосходит демократию. Такие стирания больше способствуют воспитанию авторитаризма, когда автократическому лидеру легче настраивать группы друг против друга, опираясь на взаимное отчуждение и взаимное непонимание. «Права родителей» — это выражение, используемое для прикрытия нелиберальной общественной культуры. Использование языка прав и свобод для стирания взглядов угнетенных групп – это знакомый словарный трюк из прошлого Америки («права штатов»).

Губернатор Флориды Рон ДеСантис, выпускник Йельского и Гарвардского университетов, специально нацелился на школы и колледжи, осуждая предполагаемую «идеологическую обработку» студентов Флориды.

Законодательное собрание штата и Министерство образования привлекли Хиллсдейл-колледж, учебное заведение в Мичигане, для консультирования по учебной программе K-12 во Флориде.

Хиллсдейл рекламирует себя как поставщик «классического образования» и неидеологического аналога нынешним образовательным практикам . Чтобы оценить это утверждение, полезно обратиться к веб-сайту колледжа Хиллсдейл, на котором перечислены онлайн-курсы, предлагаемые этим учреждением. Наряду с такими предложениями, как «Введение в этику Аристотеля : как вести хорошую жизнь» , «История классической музыки: от Пифагора до Бетховена» и «Введение в западную философию» , Хиллсдейл предлагает курсы с такими названиями, как «Американские левые: от либерализма к деспотизму» и «Американское гражданство и его Decline, послание которого заключается в том, что «пробуждение» представляет собой экзистенциальную угрозу Соединенным Штатам. Посыл этих курсов ясен: с точки зрения классической традиции

прогрессизм — это тирания. Можно задаться вопросом, упоминает ли во «Введении в западную философию» Хиллсдейла, что именно Платон рекомендовал, задолго до Маркса, забирать детей из семей, чтобы их воспитывало государство (и что гомосексуальные отношения между учителями и их учениками были запрещены).

считалось вполне нормальным в эпоху, когда учебная программа считалась «классической»).

В 2023 году Флорида, Оклахома и Монтана одобрили использование видео консервативной медиагруппы PragerU в качестве учебных материалов для своих школ. В своем видео «Краткая история рабства» крайне правый комментатор Кэндис Оуэнс заявляет: «Белые люди были первыми, кто официально положил конец рабству» , добавляя, что «белые люди возглавили мир, положив конец отвратительной практике [рабовладения]» . рабство].» Замечания Оуэнса полностью стирают историю Гаити, чья революция рабов привела к тому, что ее лидер Туссен Лувертюр положил конец рабству на десятилетия раньше, чем это сделала Великобритания, не говоря уже о Соединенных Штатах. Оуэнс также возвращает учение о Гражданской войне к периоду, предшествующему авторитетной работе Уэба Дюбуа 1935 года « Черная реконструкция» .

В ту эпоху основной вклад чернокожих в развитие Союза

победы в Гражданской войне (как в качестве солдат, так и в качестве восстановивших поработанных людей в тылу врага) были полностью стерты, а черные американцы были представлены как пассивные получатели дара свободы.

Глядя на эти курсы, можно было бы разумно возразить против заявления о том, что Hillsdale College и PragerU освобождают школы от идеологической обработки.

Отчет Американской ассоциации профессоров университетов «Политическое вмешательство и академическая свобода во Флориде»

Система государственного высшего образования» , опубликованная в декабре 2023 года, описывает последствия нападок ДеСантиса на университеты, включая захват государством выдающейся государственной школы гуманитарных наук — Нового колледжа Флориды. Он начинается с цитаты Лероя Пернелла, профессора права Флоридского университета A&M, которая отражает общий тон обширного доклада и, в более общем плане, чувство отчаяния в условиях авторитарного режима образования:

То, что мы наблюдаем во Флориде, — это интеллектуальное царство террора. Сейчас существует огромное чувство страха, не только среди преподавателей; это ощутимо и среди студентов, и среди сотрудников. Люди интеллектуально и физически напуганы.

Нас называют врагами государства. События в Джексонвилле тоже кажутся реальными, и люди чувствуют, что это может случиться с ними.

Множество законов, ограничивающих преподавание, влекущих за собой все: от дисциплинарных санкций до угроз потери работы, также невероятно сильно ударило по учителям K-12. Законы вызвали значительный страх перед преподаванием тем по истории США, особенно истории чернокожих. В целом, законы создали атмосферу страха и запугивания вокруг обсуждения проблем старой гегемонии расы, класса и пола.

Подчинение педагогов постепенно все более и более навязчивым законам, ограничивающим их свободу, создает общую атмосферу страха и запугивания. Когда такие законы направлены против любого, кто бросает вызов величию нации или ее героям, это не является положительным знаком для демократии.

ПОДАВАНИЕ ПЕДАГОГИ ПОСТЕПЕННО БОЛЕЕ
НАЗВАТЕЛЬНЫМ ЗАКОНОМ, ОГРАНИЧИВАЮЩИМ
ИХ СВОБОДУ, СОЗДАЕТ КЛИМАТ СТРАХА
И ЗАПУГЛИВАНИЯ.

КОГДА ТАКИЕ ЗАКОНЫ НАПРАВЛЕННЫ НА
ЛЮБОГО, КТО БРОСИТ БРОС НА ВЕЛИЧИЕ НАЦИИ
ИЛИ ЕЕ ГЕРОЕВ, ЭТО НЕ ПОЗИТИВНЫЙ ЗНАК
ДЛЯ ДЕМОКРАТИИ.

Трамп совершенно ясно дал понять , что крайне правые нападки на образование будут иметь центральное значение для его новой администрации с самого начала.

В начале своего правления он пообещал «подписать новый указ о сокращении федерального финансирования любой школы, пропагандирующей критическую расовую теорию, трансгендерное безумие и другой неприемлемый расовый, сексуальный или политический контент в отношении наших детей» в первый день своего правления. Ликвидация Министерства образования является целью

Проекта 2025, наряду со многими другими изменениями, которые резко снизят способность федерального правительства вмешиваться в потенциальные нарушения гражданских прав. Честное преподавание истории чернокожих и защита ЛГБТ-молодежи будет незаконным в системе образования K-12. Американская университетская система является жемчужиной мировой системы высшего образования. Насколько это возможно, федеральное правительство под руководством Трампа будет стремиться радикально преобразовать его на всех уровнях, взяв в качестве модели колледж Хиллсдейл. Цель состоит в том, чтобы похоронить любое гражданское сострадание в системе образования.

TNR

Джейсон Стэнли — профессор философии в Йельском университете и автор готовящейся к выходу книги « Стирание истории: как фашисты переписывают прошлое, чтобы контролировать будущее» .

СМИ СВОБОДА МЕСТЫ ФАКТА

Брайан Стелтер

РЕКА МОЖЕТ НАЧАТЬСЯ с нарушения безопасности у северо-западных ворот Белого дома.

Представьте себе в день инаугурации Дональда Трампа шумный протест левых групп на улицах к северу от парка Лафайет. Кварталы, окружающие Белый дом, оцеплены многоуровневым ограждением из-за беспорядков в крупных городах после переизбрания Трампа, но несколько десятков очень мотивированных активистов проносятся через парк, пересекая маршрут инаугурационного парада вдоль южный край парка и внутри периметра Белого дома. Оружие выхвачено, планы действий в чрезвычайных ситуациях активированы, и Трампа срочно отправляют в глубокий подземный бункер.

Порядок восстанавливается в течение нескольких минут, но не раньше, чем взлом будет показан в прямом эфире по всему миру, поскольку все основные сети имеют камеры прямой трансляции на Северной лужайке. Интернет-сыщики замечают, что некоторые из протестующих, судя по всему, носят удостоверения представителей прессы. (Оказывается, это подделки.) И в одном случайном живом кадре, который вырезают, деконтекстуализируют и распространяют среди про-магов.

В социальных сетях корреспондент CBS дает бутылку с водой мужчине, кричащему в агонии после того, как его обрызгали перцовым баллончиком. Это все, что нужно, чтобы нарратив укоренился справа: «СМИ замешаны».

Они в этом замешаны. Они пытаются убить НАШЕГО президента».

Трамп чувствует себя униженным и атакованным в день, который должен стать его самым триумфальным. Он и его помощники хотят того, что он обещал: «возмездия». Зная, что Северо-Западные ворота являются ключевой точкой доступа для журналистов, помощник Белого дома пустил слух, что нападавшим помогли команды CNN и CBS News. Трамп, прикованный к прямой трансляции, ворчит руководителю своей администрации: «Уберите их с моей лужайки». Члены его ближайшего окружения, которым так надоели годы ответственной журналистики и которые настолько заблуждаются, полагая, что путь Трампа — единственный путь, видят шанс пойти дальше и вытеснить независимые СМИ из эфира. «Уходи», — говорят они. «Уйди с нашего пути».

Нарушение безопасности становится предлогом для проекта, который уже много лет находится в умах лидеров магов. В конце концов, обещание Стива Бэннона в 2018 году «затопить зону дерьмом» было только началом. Провозглашение Трампа «врагом народа» позволило его поклонникам пойти дальше — делегитимизировать и

дегуманизировать журналистов и сделать «альтернативные факты» единственными фактами. Для заговорщиков государственного переворота 2020 года одним из уроков поражения Трампа стало то, что Трампу необходимо было осуществлять больший контроль над средствами массовой информации, чтобы одержать победу. Ему нужно было владеть средствами массовой информации; следовательно, «Социальная правда», которая появилась после событий 6 января.

возможности СМИ переписывать реальность.

Жестокая риторика Трампа придала смелости его сторонникам. В годы правления Байдена тролли, поддерживающие Трампа, мечтали, что, вернувшись к власти, они будут сажать в тюрьму журналистов и сокрушать оппонентов, и им было приятно заявить об этом в программе Х Илона Маска. Как бывший ведущий CNN, я видел это в своих упоминаниях. Когда закоренелые маги мечтали запереть меня в Гуантанамо: «Гитмо — в твоём будущем». «Вам, грязным нацистским демократам-предателям, место в гитмо».

«Все вы заслуживаете тюрьмы».

Анонимные угрозы сопровождалась дерзкими обещаниями сторонников Трампа.

«Мы выйдем и найдем заговорщиков не только в правительстве, но и в средствах массовой информации», — сказал Бэннону в 2023 году бывший чиновник Министерства обороны Кэш Пател. «Мы собираемся преследовать вас, — заявил Пател, — будь то криминальные или гражданские».

Обрадованный Бэннон сказал: «Мы абсолютно серьезны».

ПРЕДСТАВЬТЕ, ЧТО новая администрация использует Северо-Запад

Вторжение в ворота как предлог для введения жестких ограничений. Большинству репортеров запрещен вход на территорию Белого дома в соответствии с новыми правилами Секретной службы, которые предусматривают угрозу жизни президента.

Поскольку Truth Social наполняется мемами, приравнивающими журналистов к «террористам», сетям дается 24 часа на то, чтобы убрать свое оборудование.

Помощники утверждают, что репортеры смогут задавать вопросы через Zoom на виртуальных пресс-конференциях, но Трамп отказывался проводить ежедневные брифинги в течение своего первого срока на посту, и сеансы Zoom так и не состоялись.

Средства массовой информации подают иски по Первой поправке, требуя возвращения к нормам, существовавшим до Трампа II, но утверждения правительства об угрозах безопасности имеют приоритет, и запреты остаются в силе. Нормы прессы, такие как путешествия с президентом, такт. Тра

начинает совершать поездки вообще без предварительного уведомления общественности. Несколько репортеров, которые прибегают к наблюдению за базой ВВС Эндриус и наблюдают за взлетами Air Force One, арестованы за незаконное проникновение на территорию Белого дома, поэтому чиновники могут утверждать, что «настоящие» новости по-прежнему представлены. Fox заявляет, что предоставит другим телеканалам прямую трансляцию всех президентских мероприятий и выступлений. В то время как рабочие превращают бывший зал для пресс-брифингов в крытый бассейн, как это было несколько десятилетий назад, Трамп вознаграждает Фокса интервью и продвижением по службе – в какой-то момент удвоив рыночную капитализацию семьи Мердок за считанные недели – и даже ведущих, которые больше всего соблазняются инакомыслием сдерживается внезапным неожиданностью. И они знают, что для преданных магов Newsmax всегда находится на расстоянии одного клика; они усвоили это на собственном горьком опыте в 2020 году. Поэтому они следуют своей линии, распространяя ложные слухи о внутренних врагах, о писателях, скармливающих иностранным правительствам советы о «сопротивлении», о либеральных редакторах, подделывающих фотографии Трампа, чтобы он выглядел еще старше, чем он есть на самом деле. . о репортерах-предателях, помогающих протестующим в день инаугурации.

«Помните, когда они пытались убить Трампа?» становится сплоченным лозунгом правых, хотя это не произошло.

Проверка фактов о том, что действительно произошло, только придаёт смелости фанатам Трампа ещё сильнее бороться за наказание воображаемых сообщников.

CBS сообщает, что доксирование ее телефонных и компьютерных сетей становится настолько интенсивным, что отдел новостей едва может функционировать в течение нескольких часов подряд.

время. Однажды вечером вечерний выпуск новостей начался на 10 минут позже из-за сбоя сервера. Пресс-секретарь Трампа назвал это «хорошим началом», имея в виду, что стране было лучше вообще без вечерних выпусков новостей. Два дня спустя, во время инцидента с «прихлопыванием», звонивший в 911 заявил, что в доме находится жестокий злоумышленник.

ведущего CBS. Полиция приезжает массово, и среди хаоса офицер случайно стреляет в жену ведущего, серьезно ранив ее. Те же самые маги в социальных сетях преуменьшают масштабы насилия, раскапывая прошлые твиты жертвы, восхваляющие Хиллари Клинтон; некоторые даже повторяют слова представителя Трампа и называют травму «хорошим началом».

Вдохновленный словами Трампа в бункере в день инаугурации, слово «убирайся» становится синонимом волны анти-медийных настроений, отражающей военизированную массовую депортацию мигрантов администрацией Трампа. «Если вы, журналисты, не любите нашу Америку, — говорят они, — уходите». На федеральном уровне назначенцы Трампа используют рычаги правительства для реализации пожеланий президента. Агенты IRS начинают проверки ведущих редакторов новостей (Редакторы считают, что практически невозможно доказать, что проверки носят ответный характер.) Адвокаты Министерства юстиции рассматривают обвинения в Законе о шпионаже против враждебно настроенных репортеров. Члены комиссии Федеральной комиссии по связи начали расследование поведения владельцев радиостанций, которые не соблюдают правила линия Трампа. Законодатели-республиканцы, сами запуганные избирателями, называющими репортеров «террористами», готовят

закон об аккредитации СМИ, который будет вознаграждать средства массовой информации, которые поддерживают тесные связи с правительством. Сторонние группы наводят суды исками о клевете против новостных агентств. Судьи в конечном итоге откажутся от большинства исков, но рассмотрение каждого дела требует времени и денег, и двойная цель состоит в том, чтобы вызвать финансовое истощение редакций новостей и отпугнуть других от публикации таких же материалов.

Еще большую тревогу вызывают действия на уровне штата и на местном уровне. инж. Редакции в оплотах Трампа отмечают резкий рост угроз и преследований. За пределами митинга в поддержку Трампа во Флориде местный тележурналист жестоко избит группой мужчин в мага-торговле, а реакция полиции настолько вялая, что наблюдатели предполагают, что они позволили этому случиться. Около места содержания под стражей мигрантов в Техасе внештатный репортер сбит и убит сотрудником службы безопасности в автомобиле иммиграционной и таможенной полиции. Это был несчастный случай или нападение? Никто не знает наверняка. Трамп ответил на эти два инцидента, заявив, что репортеры «должны были сказать правду» . И вот рождается новое испытание. «Просто скажи правду!» Некоторые информационные агентства, либо для того, чтобы обратиться к подписчикам, поддерживающим Трампа, либо для того, чтобы дать отпор головорезам, которые безнаказанно избивают репортеров , помещают слово «правда» на баннерах на своих домашних страницах и в маркетинговых материалах . NewsNation проводит ребрендинг как «только правда» .

Breitbart утверждает, что это «единственная истина» . Это происходит в то же время, когда магазины Tar-get устанавливают очень большие американские флаги (при этом скрывают товары Месяца черной истории), а тематические парки Диснея рекламируют «Дни американской гордости» (при этом сокращая мероприятия гей-парада), а приложения Meta добавляю вкладка «свобода слова» (при этом алгоритмически принижается значение содержания протестов против Трампа , которое считается угрозой национальной безопасности). Некоторые генеральные директора не соответствуют этому требованию, но многие подчиняются, включая глав нескольких крупных СМИ. Безопасность является обоснованием. «Страна меняется» , — говорят они. — Нам нужно защитить тебя. Некоторые журналисты чувствуют себя вынужденными покинуть свои дома. Другие берут псевдонимы и пишут анонимно. Третьи изо всех сил пытаются найти новые направления работы. Телевизионные шоу с критикой Трампа отменены. Рискованные задания отменяются. Диссиденты высказываются в своих блогах и в прямых трансляциях, но им трудно охватить массовую аудиторию.

Комитет по защите журналистов отмечает, что результаты поиска Google постоянно ставят ультраправые клеветы в адрес независимых журналистов выше их реальной работы. Каждый день приносит новый эпизод насилия или слежки.

Возмущение по поводу ответных действий заглушается клеветой о «фейковых новостях» , которая была популяризирована, когда Трамп впервые вступил в должность. Либо этого на самом деле не происходит, либо, если это происходит, то это оправдано — вот сообщение Fox. Многим американцам кажется, что они уже все это слышали, и они просто устали. Они больше не хотят беспокоиться. Трамп обещает, что им не придется этого делать: поверьте мне, говорит он, и не беспокойтесь о новостях и не ссорьтесь из-за политики с соседями. «Единство» — это то, что он якобы предлагает, и многие соглашаются на это предложение. Объединенные в невежество, они бездумно пролистывают TikTok и Instagram, поскольку права Первой поправки ограничиваются. Они знали, за кого голосуют , верно?

Через два дня после первой и пока единственной инаугурации Трампа, в январе 2017 года, пресс-секретарь Белого дома Шон Спайсер в частном порядке отругал меня за то, что я подверг сомнению его ложь о размере толпы. Пару часов спустя, ведя передачу «Надежные источники» CNN , я задал следующие вопросы: «Хотят ли союзники Трампа заставить замолчать скептиков в СМИ? Уничтожить прессу? Или, может быть, поддержать альтернативную прессу, которая представляет альтернативную реальность, более благоприятную?»

Теперь мы знаем ответы. Мы точно знаем, чего они хотят. Журналисты, работавшие в репрессивных режимах, во многих случаях признавали это раньше, чем американские журналисты. Я никогда не забуду интервью, которое я дал на канале CNN через неделю после массового выступления с Махиром Зейналовым, аналитиком и журналистом, живущим в Турции, которого турецкое правительство оклеветало, предъявило иск и депортировало в 2014 году после репортажа о расследование коррупции. «Каждый раз, когда я смотрю на то, что президент Трамп и его команда делают здесь, в Соединенных Штатах, я думаю: подожмите секунду. Я видел этот фильм раньше. Нам это все знакомо» , — сказал мне Зейналов. «И я не говорю о таких странах, как Иран или Китай, где автократы подавляют или душат средства массовой информации. Я говорю о Турции, стране, которая десять лет назад была в некоторой степени

демократической, с несколькими независимыми СМИ, а сейчас превращается в государство, где по крайней мере один журналист оказывается за решеткой – в среднем с прошлого лета – каждый день."

Он продолжил: «И если кто-то говорит, что этого не может произойти здесь , в Соединенных Штатах, он значительно недооценивает то, как лидеры, в том числе в демократических странах, могут подорвать свободу СМИ, а вместе с тем и демократию» .

Венгрия – лучший пример в Европе. Коалиционное правительство премьер-министра Виктора Орбана подорвало свободу СМИ и создало «атмосферу страха и запугивания» . Хьюман Райтс Вотч написала в резком докладе ранее в этом году. «Независимые СМИ закрылись или сменили владельца и в одночасье стали проправительственными» .

Итак, представьте, что в 2024 году доверенное лицо Трампа предлагает популярной, но находящейся в финансовом положении медиа-компании «кнут и пряник» : возьмите пряник и разгрузите новостное подразделение компании или примите кнут государственного регулирования, который приведет к падению цены акций. . Представьте, что кто-то вроде Маска становится нетерпеливым покупателем. Если правление не сдается, его изображают на стороне «террористов» . Что будут делать режиссеры?

Может быть, вы думаете, что я переусердствовал, и, возможно, так оно и есть. Возможно, не будет никакого ускоряющего инцидента, никаких репрессий, никакой угрозы американской традиции Первой поправки. Но в какой-то момент когда страна отчаянно нуждается в государственном надзоре, чтобы не дать генеративному искусственному интеллекту уничтожить медиабизнес , и в государственной поддержке для спасения того, что осталось от местной новостной экономики, Трамп не предлагает ничего из вышеперечисленного. Вместо этого он обещает провести расследование в отношении средств массовой информации, которые бросают ему вызов. Его поклонники были настроены на месть и свободу от фактов. Если в 2025 году похолодание наступит, никто не сможет удивиться .

TNR

Брайан Стелтер, бывший ведущий программы «Надежные источники» CNN , является автором трех книг, последней из которых является «Сеть лжи» .

Военные

ЛИБЕРАЛЬНАЯ ФАНТАЗИЯ ПРОСТО ЭТО

Роза Брукс

Одним осенним вечером 2019 года я сидел на банкете с одними из лучших и ярких людей столицы.

Это был очень вашингтонский ужин, полный юристов, лоббистов и людей, которые знают людей, болтающих о политике за тарелками резиновой курицы.

До президентских выборов 2020 года оставался еще год, и Нэнси Пелоси, тогда спикер Палаты представителей, недавно объявила, что начинает расследование в рамках импичмента потенциальных злоупотреблений властью со стороны президента Дональда Трампа.

Когда речи за ужином закончились и все за моим столом были хорошенько смазаны второсортным вином, я задал вопрос, который тяготил меня: «Что, если Трамп проиграет выборы... но откажется уйти в отставку?»

Это было встречено пренебрежительным смешком, а один из моих соседей по столу — юрист с хорошими связями и безупречной либеральной репутацией — заверил меня, под восторженные кивки согласия остальных сидящих за столом, что этого никогда не произойдет. "Ни за что! Он никогда бы не попробовал этого.

А если бы он это сделал, военные никогда бы этого не допустили» .

Радостное заявление моего соседа по столу основывалось на множестве ошибочных предположений. Во -первых, американские военные не играют никакой роли в наблюдениях за выборами или в обеспечении того, чтобы другие институты или субъекты уважали их результаты. Даже если «военные» — обширное, разрозненное и далеко не однородное предприятие, состоящее примерно из 1,3 миллиона военнослужащих действительной службы и более 750 000 резервистов и военнослужащих Национальной гвардии — считали, что действующий президент проиграл заявку на переизбрание, просто не существует юридического или организационного механизма, позволяющего военным свергнуть непокорного президента-хромую утку, который отказался покинуть свой пост.

Кто и кому даст такую команду? Хотя председатель Объединенного комитета начальников штабов является высшим военачальником страны, его роль носит консультативный характер и не дает полномочий отдавать приказы боевым силам. Остальные члены объединенного штаба — начальник штаба армии, начальник

военно-морских операций и т. д. — им также не хватает той власти, которая вместо этого находится в руках 11 объединенных боевых командований (США).

Центральное командование, Европейское командование США и т. д.). Только командующий Северным командованием США, или Northcom, имеет право отдавать приказ федеральным войскам действовать внутри страны, но даже в этом случае командиры боевых действий не могут отдавать такие приказы по собственной инициативе; Приказы должны исходить от министра обороны, который будет служить в интересах президента, отказывающегося уйти в отставку. (Войска Национальной гвардии находятся в ведении губернаторов штатов, если они не федерализованы, но в таком случае министр обороны также будет частью иерархии командования.)

Несмотря на полную неправдоподобность утверждения моего соседа по столу, с тех пор некоторый вариант этой идеи стал повторяющейся — и причудливой — либеральной фантазией: идея о том, что американские военные каким-то образом спасут нас от Дональда Трампа. Это странно, потому что, по крайней мере, со времен Вьетнама либералы по понятным причинам скептически относились к использованию военной мощи США для продвижения демократии — если демократию нельзя завоевать с помощью избирательной урны, ее вряд ли можно будет закрепить пулями. Но даже если оставить в стороне подобные соображения, это всего лишь фантазия, поскольку идея о том, что армия будет служить эффективной защитой от автократии, основана на глубоком непонимании того, как действуют военные силы.

Конечно, ВЕРНО, что Трамп действительно пытался остаться на своем посту после поражения на выборах 2020 года, и четкие заявления военных лидеров того времени, осуждающие восстание 6 января и напоминавшие американским войскам об их конституционных обязанностях, вероятно, сыграли определенную роль в обеспечении Возможный угрюмый уход Трампа. И нет никаких сомнений в том, что американская демократия, скорее всего, будет нуждаться в спасении, если Трамп будет переизбран. Если Трамп вернется в Белый дом, он сделает все возможное, чтобы превратить Соединенные Штаты в коррумпированную, клептократическую автократию.

Во время своего первого срока Трамп назначил на руководящие посты в своей администрации фигур, относительно институционально настроенных. Рекс Тиллерсон, Джон Келли, Джим Мэттис, Марк Эспер, Дэн Коутс и им подобные вряд ли были мечтательными либералами, но они разделяли широкую приверженность традиционным нормам демократического управления и верховенство закона, а также обуздали некоторые из наиболее вопиющих эксцессов Трампа. Трамп сорван

вскоре заменил их менее опытными, но более послушными чиновниками, но его способность использовать федеральную власть в своих целях была ограничена как недостатком опыта у его нового ближайшего окружения, так и его собственной хаотичной личностью.

При второй администрации Трампа ситуация почти наверняка будет иной. Сам Трамп не менее хаотичен – во всяком случае, многочисленные незавершенные уголовные расследования против него усилили его нарциссическую ярость. Но он не дурак и извлек уроки из своих ранних ошибок. Если он откусит второй кусочек яблока, Трамп вступит в должность с группой опытных политических деятелей, тщательно отобранных за их личную преданность, и с подробным планом. Он не скрывал своих авторитарных намерений.

Планы Трампа в отношении гражданской исполнительной власти получили широкую поддержку.

Он открыто заявил о своем желании очистить кадровую государственную службу – и общество в более широком смысле – от тех, кого он считает идеологически подозрительными («коммунисты, марксисты, фашисты и левые радикальные головорезы, которые живут как паразиты в пределах нашей страны»). Он также заявил о своем намерении использовать инструменты исполнительной власти.

Он также заявил о своем намерении использовать инструменты исполнительной власти.

Он также заявил о своем намерении использовать инструменты исполнительной власти.

Его планы относительно личного состава в форме получили гораздо меньше внимания, но контроль над вооруженными силами является важной частью видения Трампа на его второй срок. Хотя он выражал лишь презрение к военнослужащим, достаточно наивным, чтобы верить в самоотверженную службу, называя тех, кто погиб, «неудачниками» и «лохами», Трамп любит военную помпезность и обстоятельства, а еще больше любит власть. Он дал понять о своем желании использовать вооруженные силы США для подавления внутренних протестов и оказания помощи иммигрантам без документов, которых он считает «животными». Сообщается, что он надеется использовать ракеты и военные силы против картелей внутри Мексики и временами открыто заигрывает с идеей использования ядерного оружия против Северной Кореи и Ирана.

Хотя немногие из этих идей, скорее всего, получат поддержку со стороны военных лидеров, никто не должен рассчитывать на то, что военные «спасут» нас от попыток Трампа переделать Соединенные Штаты в его собственный темный, хаотичный образ. Трамп хорошо осведомлен об уникальном

отношении, в котором американцы продолжают владеть вооруженными силами. Это делает армию одновременно и соблазнительным инструментом, и частой мишенью его гнева. Разочарованный во время своего первого срока тем, что те, кого он называл «моими генералами», не смогли предложить ему слепое повиновение и лесть, Трамп поклялся заставить военных подчиниться во время своего второго срока.

По большей части у него будут для этого юридические инструменты. Например, он может потребовать отставки фламанов и генеральных офицеров, которые проявляют признаки независимости, и уволить тех, кто не понимает намека. И он может сделать верность своим планам условием продвижения по службе для старших офицеров.

Это уже является ключевым моментом в проекте Фонда «Наследие» по второму президентству Трампа, который, по мнению многих, получил одобрение Трампа. В нем обещают, что Белый дом будет «тщательно проверять все повышения по службе генералов и фламанов», чтобы гарантировать, что на руководящие должности не будут выбраны люди с идеологически неприемлемыми взглядами на «изменение климата, критическую расовую теорию, сфабрикованный экстремизм и другую поляризующую политику». . . Отсевание тех, кто обеспокоен «сфабрикованным экстремизмом», является кодексом чистки армии от офицеров, которые выступали против белых националистических организаций или осуждали повстанцев 6 января.

Разумные военные прочитают надпись на стене: если вы не хотите, чтобы ваша карьера внезапно оборвалась, лучше всего подчиниться. Армия США по замыслу является послушным институтом, глубоко приученным к соблюдению принципов гражданского контроля. Хотя военнослужащие приносят присягу поддерживать и защищать Конституцию Соединенных Штатов, они также имеют юридическое обязательство выполнять приказы, рискуя попасть под военный трибунал.

В общем, это хорошо: никто, кто заботится о демократии, не должен желать иметь армию, которая склонна игнорировать законные приказы избранного главнокомандующего. Правда, у военнослужащих также есть обязанность не подчиняться незаконным приказам, но это не должно нас сильно утешать; явно незаконные приказы исчезающе редки. Если бы президент приказал войскам открыть огонь по безоружному гражданскому лицу, то военным ответом было бы решительное «Нет, сэр!» Но даже самые сомнительные и морально несостоятельные президентские директивы имеют тенденцию прикрываться языком законности. (Вместо «застрелить этого безоружного гражданского» представьте себе другую команду: «На основании засекреченных данных».)

разведки, я установил, что этот человек участвует в прямых военных действиях против Соединенных Штатов, представляет собой непосредственную угрозу и, следовательно, является законной целью, и я приказываю вам нейтрализовать эту угрозу».)

Вспомните президентство Джорджа Буша-младшего.

Хотя юридический запрет на пытки был кристально ясным в то время, как пытка водой, уже давно считаются в судах США формой пытки, юристы администрации Буша утверждали, что если пытка водой использовалась исключительно как средство получения информации, без с первичным намерением причинить сильную боль, это не считалось пыткой. Несколько высокопоставленных военных юристов выразили возражения, когда администрация Буша распорядилась

что такой «усиленный допрос» будет использоваться в отношении задержанных подозреваемых в терроризме, но военный бунт, каким бы он ни был, ограничился несколькими резкими записками. Ни один из старших офицеров не подал в отставку, и военные сделали то, для чего были предназначены: они не выполнили обязательства по послушанию, несмотря на широко распространенные опасения среди старших офицеров.

ДАЖЕ БЕЗ призрака президента, стремящегося к возмездию, подавляющее большинство военнослужащих будут склоняться к послушанию, если существует хотя бы малейшая неуверенность в том, является ли конкретная президентская директива незаконной. И если старшие офицеры, наиболее склонные возражать, уже были понижены в должности или уволены, маловероятно, что приказы Трампа столкнутся с широкомасштабным военным сопротивлением.

Никто не должен обманывать себя по поводу той степени юридической свободы, которой мог бы обладать президент Трамп. Юристам администрации Буша пришлось превратиться в крендели с солью, чтобы доказать, что пытки на самом деле не являются пытками. Но большинство заявленных планов Трампа даже не потребуют юридических извращений. Исторически существовала строгая норма, запрещающая использование вооруженных сил внутри страны для подавления протестов или участия в правоохранительной деятельности, и существуют некоторые правовые ограничения. Но в соответствии с Законом о восстании президент может использовать вооруженные силы внутри страны в ответ на восстание или восстание, или когда «любая часть или класс населения [государства] лишена прав, привилегий, иммунитета или защиты, указанных в Законе о восстании». Конституция», или когда акт восстания или насилия «противоречит или препятствует исполнению» закона.

Верховный суд исторически истолковал это как предоставление президенту полной свободы решать, какого рода

деятельности оправдывает использование вооруженных сил внутри страны. «Право решать, возникла ли острая необходимость, принадлежит исключительно президенту», — заявил суд в деле Мартин против Мотта в 1827 году. Будет много недовольных военнослужащих, но у них вряд ли будут какие-либо основания утверждать, что такое размещение является незаконным.

А когда дело доходит до военных действий за пределами США, новости еще хуже. Несмотря на конституционные полномочия и законы Конгресса, такие как Закон о военных полномочиях, сменявшие друг друга президенты пользовались практически неограниченной возможностью использовать военную силу за пределами наших границ. Было бы много военного недовольства, если бы Трамп нанес удары по мексиканской земле или применил тактическое ядерное оружие.

Оружия, но маловероятно, что у военных лидеров будут какие-либо законные основания возражать.

Военные лидеры, которым не нравятся получаемые ими приказы, иногда прибегают к проверенной временем традиции Пентагона препятствовать и медлить, ища способы незаметно помешать целям своих гражданских хозяев, сохраняя при этом видимость подчинения. Но если президент Трамп воспользуется своей властью, чтобы уволить или понизить в должности недостаточно лояльных генералов, как он говорит, даже этот сомнительный путь военного сопротивления, скорее всего, будет закрыт.

Остается последняя и самая отчаянная из либеральных фантазий: своего рода прямое, организованное военное сопротивление автократическому президенту Трампу. Это крайне маловероятная перспектива, учитывая глубоко укоренившиеся нормы гражданского контроля, а также практически невообразимую с организационной точки зрения, учитывая рассредоточенный характер военной мощи США и сложную командную структуру вооруженных сил. Более того, это ужасная идея. Любой, кто находит такую перспективу привлекательной, должен быть осторожен со своими желаниями: исследования военных переворотов показывают, что даже перевороты, совершаемые против жестоких режимов с целью восстановления демократии, редко имеют счастливые результаты и часто заканчиваются увеличением, а не снижением уровня государственного насилия.

Другими словами: если общество оказывается полагающимся на армию в деле «спасения» демократии, то, вероятно, мало что осталось сп

Роза Брукс — профессор права в Джорджтауне, бывший высокопоставленный чиновник Министерства обороны и автор книги «Как все стало войной, а военные стали всем».

Граница

ОТ ТЕХАСА ДО
МАССАЧУСЕТС

Франциско Гольдман

«ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В кошмар в моей голове», — сказала Хизер Аксфорд, директор Центральноамериканской юридической помощи, когда я попросил взять у нее интервью о возможном влиянии второй администрации Трампа на иммиграционные вопросы. Sala была основана в 1986 году в ответ на волну беженцев, бегущих от гражданской войны в Сальвадоре, Энн Пилсбери (она ушла с поста директора в 2023 году, но остается старшим адвокатом) и сестрой Пегги Уолш, монахиней, которая работает в подвале и небольшой офис Преображенской церкви в неблагополучном районе Вильямсбурга, Бруклин, на окраине хасидского квартала. Я впервые встретил Аксфорд в 2009 году, когда она была недавней выпускницей юридического факультета Университета Вирджинии и проработала в Кале один год. Тогда она выглядела сияющей, энергичной и оставалась такой до сих пор.

Стивен Миллер, главный советник Трампа по вопросам иммиграции, поклялся, что Трамп планирует настолько амбициозные и «впечатляющие меры по подавлению иммиграции», если он вернется к власти, что «активисты иммиграционного права не будут знать, что происход

Но Аксфорд знает, что произойдет, если Трамп будет переизбран. Она ничему этому не удивится. Но именно это наполняет ее тревогой и печалью. Работа иммиграционного адвоката Аксфорда совпадала с четырьмя президентскими сроками: от Джорджа Буша до Джо Байдена. «Сдвиг от Обамы к Трампу был самым драматичным», — сказала она. Аксфорд, которая также преподает курс по праву беженцев и убежища в Нью-Йоркской юридической школе, вспоминает, как, начиная с января 2017 года, каждое занятие начиналось с рассказа об изменениях, произошедших на прошлой неделе в иммиграционном законодательстве и нормах. «Вещи, которые вы считали само собой разумеющимися», — сказала она, — и не осознавали, были просто нормами.

Например, прокурорское усмотрение. В иммиграционном суде прокуроры, как и все прокуроры, должны обладать прокурорским усмотрением. Это означает, что вы не выходите на ковер по каждому отдельному делу просто так. Ваша задача — не депортировать всех, кто перед вами, а обеспечивать соблюдение закона в его нынешнем виде. Если вы посмотрите на кого-то и увидите, что он явно имеет право на некоторую помощь, вам не нужно с этим бороться. Первое, что произошло в январе 17-го, это то, что это закончилось. Больше не было места для переговоров.

Приказы должны были бороться с каждым случаем, противодействовать каждому предоставлению убежища».

Новая иммиграционная политика и изменения, выдвинутые во время последней администрации Трампа, политики, которые, даже несмотря на то, что многие из них были впоследствии заблокированы или связаны в судах, Трамп и Миллер пообещали вернуть и расширить в ближайшее время.

Термин Трампа включает в себя следующее, и это мрачный список: запрет на поездки, нацеленный даже на потенциальных туристов из семи стран, большинство из которых составляют мусульмане; прекращение действия даса, популярного Закона о мечте, предлагающего защиту и права молодым людям, привезенным в Соединенные Штаты в детстве; прекращение действия временного защищенного статуса для мигрантов из небезопасных стран, таких как Сальвадор, Гондурас и Гаити, многие из которых проживают в Соединенных Штатах, работают, создают семьи и занимаются бизнесом, платят налоги уже не менее 20 лет; политика «оставаться в Мексике», которая лишала людей, прошедших заслуживающие доверия собеседования по страху, права ожидать обработки их заявлений о предоставлении убежища здесь; закрытие границ в эпоху Covid для подачи заявлений о предоставлении убежища, восстановление которого новая администрация Трампа якобы оправдала бы тем, что мигранты приносят другие инфекционные заболевания; отказ в правах, предусмотренных Четвертой поправкой, для нелегальных мигрантов, поощрение иммиграционной и таможенной полиции и других ведомств к необоснованным арестам в частных домах и рейдам на рабочих местах; и печально известная политика разлучения детей, которую Трамп отказался дезавуировать.

НАЧНЕМ С границы. Пресса особенно сосредоточилась на обещании Трампа собрать нелегальных иммигрантов в Соединенных Штатах, их 10 или более миллионов, и поместить их в обширные военизированные лагеря недалеко от границы, скорее всего, в Техасе, где они будут ждать без какой-либо надлежащей правовой процедуры. их депортации. Подобное посягательство на нормативные права человека и юридические права, конечно же, будет оспариваться в судах. Но ожидается, что на этот раз Верховный суд и суды низшей инстанции будут гораздо более благосклонны к Трампу.

Тогда большая часть американской стороны границы превратится в военизированный ландшафт с мрачно продезинфицированными лагерями для задержанных, складирующими и скрывающими от постороннего взгляда страдания миллионов взрослых и детей, изгнанных из своих домов, чтобы быть отправлены обратно в страны, которые многие вообще больше не знают. Семьи будут разделены, и дети, рожденные в США, часто останутся позади. Как и во время последней администрации Трампа, некоторые депортированные погибли насильственной смертью от рук тех же организованных преступных сил, от которых они или их родители изначально бежали. Поскольку мексиканские суды признали предложение «оставаться в Мексике» незаконным, труднее точно предугадать, что там ждет. Но, как и прежде, мигранты могут концентрироваться в приграничных городах с условиями, подобными лагерям беженцев. Лишенные доступа к убежищу, отчаявшиеся семьи и дети будут искать все более опасные переходы. Рекордное количество мертвых мигрантов уже обнаружено в отдаленных частях Западного Техаса и Нью-Мексико. Будучи президентом, Трамп с восхищением отзывался о разделительных стенах Израиля и предлагал, чтобы американские войска стреляли мигрантам в ноги, «чтобы замедлить их движение». Возможно, теперь суды послушают его пожелания.

«Им потребовалось некоторое время, чтобы во всем разобраться», — сказал Аксфорд о первом сроке Трампа. — В следующий раз это не займет у них много времени. Юридические сложности администрации Трампа мало что сделали для смягчения наступления на право на убежище. Законодательство США о предоставлении убежища имеет узкое определение: оно ограничивается теми, кто обоснованно опасается насилия в результате преследования по признаку расы, религии, национальности, социальной группы или политической позиции или мнения. Тем не менее, эти законы поддерживают восприятие Соединенных Штатов как страны убежища для тех, кто бежит от таких потенциально смертельных преследований, и как страны, поддерживающей наши национальные обязательства в соответствии с международным правом прав человека. В знаменитом деле INS против Кардосы-Фонсека 1987 года Верховный суд постановил, что даже «10-процентная вероятность

растрелла, пыток или иного преследования» должно быть достаточно для предоставления убежища. При Трампе закон о предоставлении убежища начал подвергаться чему-то вроде жуткой трансплантации сердца: замене все еще бьющегося сердца трупным.

«К 2020 году мы полностью закрыли доступ к системе предоставления убежища в США», — похвастался Стивен Миллер в интервью 14 ноября 2023 года на шоу Чарли Кирка. «Всех высылали без возможности подать заявление о предоставлении убежища в США. Мы смогли построить эту архитектуру при Президенте Руководство Трампа».

Особенности того, как законы о предоставлении убежища стали быстро отменяться за пределами законодательных актов или юрисдикции высших федеральных судов, как объяснил Аксфорд, были для меня неожиданностью. В качестве примера она привела случаи домашнего насилия. «Прецедентное право в этой стране допускает предоставление убежища тем, кто пережил жестокое домашнее насилие и может доказать отсутствие

место в своей стране, где они могут быть в безопасности и где они не могут полагаться на собственное правительство», — сказал Аксфорд. «Трудно доказать, но домашнее насилие в таких обстоятельствах может стать основанием для получения убежища, что для женщин из Центральной Америки очень важно, потому что они часто приносят именно это». До Трампа Апелляционный совет по иммиграционным делам США признавал жестокое домашнее насилие основанием для предоставления убежища. Но генеральные прокуроры США обладают широкими односторонними полномочиями в этой области, и в июне 2018 года генеральный прокурор Джефферсон Сешнс использовал эти полномочия в деле с участием сальвадорской женщины, чтобы положить конец этой практике. Изменение распространилось на жертв насилия со стороны банд и картелей, сексуального насилия, жестокого обращения с детьми и случаев ЛГБТК. «В одночасье у меня был случай, который был простым иском, подлежащим удовлетворению, внезапно», — сказал Аксфорд. В 2021 году генеральный прокурор Меррик Гарланд восстановил старый закон. В 2022 году, по словам Аксфорда, ее клиенту было предоставлено убежище, а в суде правительство отложило решение.

«Если вы рискуете быть убитым просто из-за того, кем являются члены вашей семьи, потому что ваш отец разозлил не тех людей, это является основанием для предоставления убежища. Трудно представить себе более очевидную социальную группу, чем семья», — сказал Аксфорд. Это была известная практика банд по уничтожению семей своих врагов. Но в 2019 году генеральный прокурор Уильям Барр решил, что закон применим только к «известным семьям... только выходцы из семьи, известной или важной в стране, могут быть основанием для предоставления убежища».

Решения генеральных прокуроров могут быть легко отменены их преемниками. Но если эти решения можно будет систематизировать и опубликовать в качестве новых правил, отменить их станет намного сложнее. Министерство юстиции Трампа, по словам Аксфорда, «начало публиковать новые правила, которые иммиграционные адвокаты называли «Правилами о предоставлении убежища». Организации подали в суд, эти правила были закреплены, и законы не могли быть применены до завершения судебных процессов. «Байден пришел, и они отошли от этих правил. Но они были написаны. Они просто сидят там. Я думаю о них постоянно». При второй администрации Трампа «суды не обязательно спасут нас от этого».

ПОСЛЕДНИЕ 20 лет я приезжал в Нью-Бедфорд, штат Массачусетс, чтобы изучить роман, который сейчас пишу. Нью-Бедфорд – рыболовный порт номер один в стране по прибылям. В настоящее время на рыбоперерабатывающих предприятиях порта работают в основном выходцы из Центральной Америки, особенно майя из Гватемалы. Многие сначала бежали в Нью-Бедфорд как беженцы от войн в Центральной Америке, войн, в которых погибло гораздо больше мирных жителей, чем обычно.

Батанты, и в котором большинство этих мирных жителей были убиты поддерживаемыми США военными. Многие молодые женщины, с которыми я брала интервью и с которыми познакомилась в Нью-Бедфорде, впервые работали в так называемых рыбных домах еще в возрасте 14 лет, а некоторым, работая в ночную смену, все же удавалось поступить в среднюю школу. Некоторые даже поступили в колледж; у некоторых уже есть дочери и сыновья, которые учатся в колледже. Работа в рыбных домах — это классическая работа, которую не желает выполнять никто, кроме иммигрантов, не имеющих другого выбора, однако здоровье коммерческой рыболовной экономики Нью-Бедфорда частично зависит от них.

Многие из этих женщин, как я узнал за прошедшие годы, бежали от сексуального насилия со стороны банд или ненормальных членов семьи; многим, и вполне справедливо, было предоставлено убежище. В Центре экономического развития сообщества (Cecdc), соучредителем которого является Коринн Уильямс, который оказывает всевозможную поддержку иммигрантам из Нью-Бедфорда.

Уже более 20 лет весна — это время, когда офисы каждый день, даже по субботам, наводнены иммигрантами, которым нужна помощь в подаче налоговых деклараций. На одной стене висели фотографии новых домовладельцев-иммигрантов и домов, которые они купили. Через дорогу Centro Comunitario de Trabajadores, рабочий центр, возглавляемый Адрианом Вентурой, гватемальским майя, который был военным беженцем, организовал, среди прочего, сотрудников рыбных заводов, защищая права трудящихся, независимо от иммиграционного статуса. Совсем недавно центр добился защиты от депортации и получил разрешения на работу для работников рыбных заводов, которые подверглись злоупотреблениям на рабочем месте. Коринн Уильямс рассказала мне, что в этом году она увидела отражение в налоговых декларациях иммигрантов.

В Нью-Бедфорде самая высокооплачиваемая работа, особенно для молодых людей, — это работа на рыбацких лодках. «Лучший сорт», как называют там коммерческих рыбаков, до недавнего времени состоял в основном из португальских рыбаков, иммигрантов, сыновей, внуков и представителей других групп иммигрантов. Героин, опиоиды, а теперь и фентаниловая зависимость среди рыбаков оказали разрушительное и деморализующее воздействие на флот за последние два десятилетия. То же самое относится и к сокращению рыбных запасов, к другим проблемам, вызванным экологией, к обременительным правилам, которые они вызвали, а также к представлениям об угрозе будущего коммерческого рыболовства Новой Англии в целом. Я слышал много историй о капитанах-рыболовах, которые поначалу неохотно нанимали молодых гватемальцев — многие из которых были выходцами из отдаленных горных общин и которые даже никогда не видели океана — для работы на своих лодках, только чтобы поразиться тому, насколько быстро и умело они работали на своих лодках. Эти молодые люди приспособились к этой невероятно тяжелой и опасной работе.

Сейчас мексиканцы и выходцы из Центральной Америки составляют постоянно растущую

часть рыболовного флота. Им платят так же, как и белым товарищам по команде. Один капитан рыболовного судна рассказал мне о том, как это было ужасно, еще во времена предыдущей операции Трампа и ICE «Возвращение отправителю», когда агенты иногда скрывались в доках, ожидая подхода рыбацких лодок.

Я подумал о центральноамериканском сообществе Нью-Бедфорда на фоне потока недавних историй об оценке Бюджетного управления Конгресса, согласно которой недавние иммигранты являются причиной относительно устойчивого состояния нынешней экономики. По оценкам СВО, всплеск иммиграции поможет поддержать экономику США на 7 триллионов долларов в течение следующего десятилетия.

Но Стивен Миллер утверждает: «Массовая депортация станет потрясением на рынке труда, которое будут праздновать американские рабочие, которым теперь будут предлагать более высокую заработную плату и лучшие льготы для заполнения этих рабочих мест». Кто эти рабочие, которые, как он предвидит, наводнят рыбоперерабатывающие предприятия, требуя работать по 12 часов в несколько недель (в другие недели работы может не быть вообще) и стоять на ногах на этих холодных, влажных, ледяных и вонючих рабочих местах? , разделять рыбу, взвешивать и упаковывать гребешки, открывать моллюски, подносить по одной крабовым ножам к всасывающим машинам? И насколько хорошо они будут работать и за какую зарплату? Как это повлияет на цены на морепродукты?

Когда я слышу, как Трамп возбуждает своих последователей на своих митингах своими антииммигрантскими оскорблениями, говорит об иммигрантах, «отравляющих» кровь страны, называет их животными и так далее, у меня тоже кровь кипит, но с чем-то вроде противоположности ксенофобии. И расистская эйфория, которой ликуют многие из его последователей. Полной противоположностью эйфории является также чувство насилия. Но я благодарен за то, что мы с моей мексиканской женой воспитываем двух наших дочерей в Мексике, а не в Соединенных Штатах. Я не знаю, как бы я смогла контролировать себя, если бы мои дочери услышали, как президент США называет их животными или даже хуже. Я думаю о маленьких детях в Нью-Бедфорде, которые регулярно подвергаются такой ненависти, и мое сердце буквально сжимается и болит.

Когда я слушал Стивена Миллера в «Шоу Чарли Кирка», его голос напоминал мне напряженного маленького зяблика, бегущего вперед и собирающего очень длинную цепочку крошечных семян. Описывая планы Трампа по проведению «крупнейшей операции по депортации со времен Эйзенхауэра» и его операции «Мокрая спина», Миллер сказал: «Только представьте себе логистику, необходимую для возвращения нелегальных иностранцев обратно в Пакистан, Камбоджу и, да, в Мексику, Северный треугольник, Бразилию, Южная Америка, Панама, Китай, по всему Ближнему Востоку и так далее и тому подобное, по всему Африканскому континенту. Это предприятие столь же значимое, столь же смелое и амбициозное, как, например, строительство Панамского канала. Это великое начинание».

Его безвкусный голос вьюрка, собирающего семена, — «Пакистан, Камбоджа и, да, Мексика...» — только воодушевлялся, когда он рычал: «Фальшивые истории, фальшивые семьи, фальшивые заявления о предоставлении убежища! Теперь все это прекратится!»

Миллер пообещал, что ICE участит рейды на рабочих местах, подобные тем, которые произошли в Нью-Бедфорде в 2007 году на заводе с потогонной системой производства. Это привело к депортации около 150 женщин, в основном из Гватемалы, в результате чего более 100 детей были разлучены как минимум с одним родителем, в основном матерями, некоторые из которых кормили грудью. Сообщество Нью-Бедфорда оправилось от этой первоначальной травмы. «Гватемальцы сделаны из железа», — сказал Вентура. «Они пережили войну; они переживут Трампа. Он не Путин. Мы будем защищать свои права».

INR

Последний роман Франсиско Гольдмана — «Мальчик-обезьяна», финалист Пулитцеровской премии.

Культура

ПРАВОЕ КРУГЛО КОНТР-ГЕГЕМОНИЯ

Морин Корриган

Чтобы размышлять о том, как может выглядеть будущее американской культуры во время второго президентства Трампа, мы должны рассмотреть прошлое: формирующийся Нью-Йорк и годы обучения самого Дональда Трампа. По странному стечению обстоятельств мы с молодым Дональдом родились и, вообще говоря, получили образование в одних и тех же высших учебных заведениях.

Я не могу притворяться, что знаю, какое влияние оказывает наше общее прошлое на его отношение к искусству, но я могу сделать некоторые обоснованные предположения, сравнивая путь Трампа со своим собственным. Чтобы понять Трампа и сигналы, которые его электорат получает от него, нам нужно увидеть в нем анти-ньюйоркского жителя Нью-Йорка: интеллектуально нелюбопытного и подозрительного к многолюдным улицам города-короны космополитических различий в стране, мифологизирующей сельские общины. одинаковости.

Трампа, протестант по рождению, если не по интересам, начал свою экуменическую карьеру в колледже в 1964 году в Фордхэмском университете, иезуитском учреждении в Бронксе. Девять лет спустя, когда я — уроженец Квинса, но из более «амбициозного» рабочего района, чем район Трампа — поступил в Фордхэм на бакалавриат, теология по-прежнему была обязательным курсом наряду с английским языком, философией и историей; короче говоря, традиционное гуманитарное ядро. В конце концов, иезуиты — интеллектуалы Римско-католической церкви. Я был в восторге от профессора, которые помогли мне испытать глубокие удовольствия от канонического письма.

Два года, которые Трамп провел в качестве студента в Фордхэме, были бы лет, когда ему пришлось бы пройти большинство необходимых курсов по гуманитарным наукам и теологии, однако, несмотря на его заявление о том, что Библия — его «любимая книга», книга», ничто из его краткого знакомства с великими творениями западной цивилизации, похоже, не запомнилось ему.

Его речи, состоящие из словесного салата, — это случаи, когда можно ожидать появления случайного канонического персонажа, такого как Гек Финн или Гамлет (Какой неудачник!), или, может быть, даже самодовольной строки из какого-нибудь ура-патристического стихотворения, такого как «Атака народа» Теннисона. Легкая бригада». Но молодой Трамп, похоже, прошел, не обогатившись, те самые курсы, которые, как мы, туманные представители гуманитарных наук, все еще утверждаем, могут быть преобразующими, и, в моем случае, так оно и было.

Во время учебы в Фордхэме я жил в кампусе в верхнем Бронксе, в долгой поездке на метро от дома моих родителей в Квинсе. Трамп жил дома в Ямайке-Эстейтс, пока учился в Фордхэме, гарантируя, что он соприкоснется с культурными и этническими различиями. Находки, обнаруженные к северу от стадиона Янки, будут минимальными. Его ноги прочно стояли в мире «получения и расходования», который определял империю недвижимости его отца Фреда. В 1966 году Трамп оставил Фордхэма и перешел на якобы более высокий академический уровень в Пенсильванский университет. Диплом Лиги Плюща обещал большую отдачу от затраченных средств. Трамп специализировался на экономике в Уортоне (университетской бизнес-школе) и готовился к карьере в сфере недвижимости, которую его отец устроил для него. И снова я последовал за Трампом, вообще говоря, в то же высшее учебное заведение. Нас разделяло почти десятилетие, а также классовое происхождение и призвание.

Пенн на стипендию в качестве аспиранта по английскому языку (Какой неудачник!), карьера, которую мои скептически настроенные и даже сбитые с толку родители совершенно не устраивали для меня.

Однако особенность Пенсильванского университета в те годы заключалась в том, что он напоминал королевству Лиги плюща. Точно так же, как район Квинс прилегал к Манхэттену и с удивлением и негодованием взирал на его горизонт, на всю мощь и красоту, которые он представляет, так и Пенн, во времена Трампа там и в мои времена, регулярно понижался до ранга «простого человека». Государственный университет. Еще в 2011 году, когда в Пенсильванском университете разразился скандал с Джо Патерно, Морин Дауд, среди других комментаторов, называла Пенсильванский штат «Пенсильванским». Долгое время в книжном магазине Пенсильванского университета продавались футболки с надписью «Не Пенсильвания» — своего рода грустной шутки. Нервозность школы по поводу ее позиции в Лиге Плюща не будет полностью устранена до тех пор, пока «Университет», который основал Бенджамин Франклин, не получит его документы... из Йельского университета.

ТРАМП НЕ УВИДЕЛ ничего смешного в моих воспоминаниях о Пенне в период его «мягкого затмения» (спасибо, Эмили Дикинсон). Ирония — это опора английских факультетов, а не эгоцентричные хвастуны.

Он — клубок беспокойства о статусе, парень из пригорода, который оказался на последнем месте Айви, которое в то время занимало последнее место. Вот почему он так настойчиво заявляет о своем превосходстве. Его внимание привлекают только занятия, которые приносят прибыль, приносят власть и усиливают его тревожный нарциссизм.

Он любит внимание города, но ненавидит свою доверчивую публику. Любители романтического пейзажа Манхэттена, такие как Альфред Казин и Пит Хэмилтон, и их вымышленные коллеги Фрэнси Нолан и Ник Кэррауэй — тосковали по многообещающим Манхэттену, включая его культурное богатство. Трамп, однако, превратился в человека, который стремился не восхищаться красотой, а оценивать и покорять ее, окрашивая здания Нью-Йорка своей надписью «Килрой был здесь» везде, где только мог, прежде чем покинуть Нью-Йорк в раздражении.

В президентском сиквеле Трампиана именно его ярые поклонники станут объектом внимания. движимый его пассивным пренебрежением и отвратительным шутством по отношению ко всему, что кажется хрупким и феминизированным. (Читайте: искусство.)

Что касается конкретной политики, кто знает? Трампа не волнует культура — в отличие от знаменитостей. В свой первый срок

он даже не удосужился присутствовать церемониальные поклоны искусству, такие как ежегодное мероприятие Кеннеди-центра. Поэтому он мог бы передать эту область субподряду, назначив преданного своему делу теоретика воина культуры, такого как

писатель Кристофер Руфо на высокий правительственный пост. Цель Руфо состоит в том, чтобы создать правую контргегемонию, чтобы рассеять предполагаемую укоренившуюся власть активизма за расовую, гендерную справедливость и равенство после 60-х годов в сфере высшего образования. Но у Руфо есть реальные, твердые убеждения относительно университетов, а, как мы видели, университеты не интересуют Трампа. Руфо может его раздражать. Таким образом, Трамп, возможно, даже не удосужится наделить кого-либо полномочиями по теме «Культурное презрение». Он мог бы просто высказать свое мнение о любом актере-неудачнике левого толка, который его бесит.

Но ради интереса давайте что-нибудь попробуем. Во время моего пребывания в Пенсильванском университете я прочитал немало литературы о путешествиях во времени: «Взгляд назад» Эдварда Беллами, «Вести из ниоткуда» Уильяма Морриса, «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура» Марка Твена и, самое захватывающее из все они — «Машина времени» Герберта Уэллса.

Согласно образовательным теориям Грэдграйнда, которых придерживаются Трамп и его последователи, чтение было пустой тратой — зачем представлять себе другие времена, когда деньги можно заработать прямо сейчас? Но, возможно, эти истории можно использовать в качестве моделей для нашего собственного краткого путешествия в будущее.

Моррис, медиевист, опирается на структуру «видения во сне», чтобы представить свое путешествие по Англии примерно в 2090 году. Давайте сделаем то же самое. Закройте глаза, дорогие читатели, и пробудитесь в ближайшем будущем, скажем, осенью 2027 года, когда президент Трамп, снова находящийся

у власти три года, внес некоторые изменения: Гуляя по Имперскому городу ... мы доходим до дома 400 по Седьмой улице SW, бывшей штаб-квартиры Национального фонда искусств и Национального фонда.

для гуманитарных наук. Здание, называемое Центром Конституции, когда-то было сверкающим чудом со скульптурами и внутренним садом, но теперь грязь заляпала окна жильцов первого этажа: маникюрного салона и Hoooters. (Сеть ресторанов испытывала трудности, прежде чем президент Трамп любезно посетил один из них в Тампе и с ухмылкой показал большой палец вверх, э-э, крылышкам.)

В 2025 году с помощью республиканского Конгресса бюджет Трампа, обнуляющий финансирование NEA, NEH и Корпорации общественного вещания, был наконец одобрен. (Он пытался выровнять

эти агентства во время его первого правления, но эти усилия были отбиты четыре раза подряд.)

По всей стране упор делается на минимизацию государственного финансирования того, что старожилы сентиментально называют «жизнью разума». Отключаются фестивали поэзии, чтения «Одна книга, один город», резиденции художников и музыкантов. Шекспировские труппы перестают посещать средние школы в сельских общинах; джазовые музыканты больше не выступают в общественных центрах. Хотя немало рядовых граждан возражают, потому что им это нравится, это небрежный рифф Трампа: «Кому нужна эта чушь? Кому-нибудь все еще интересен покойный и невеликий Уильям Шекспир? Его рейтинги в унитазе», что вдохновляет на еще большие сокращения местного бюджета на искусство. Трамп даже зарабатывает несколько долларов на торговле, кому нужна эта чушь? кружки и футболки с вырезанным изображением Барда. Национальное общественное радио и PBS продолжают работать, но без федерального финансирования местные дочерние станции NPR больше не могут позволить себе покупать национальные программы – и, что особенно важно, программы новостей. Крупные города в основном пощажены. Крупные доноры, как республиканцы, так и демократы, поддерживают на плаву элитные культурные памятники городской жизни – оперные труппы, симфонические оркестры, фламанские музеи. (Вспомните, чье имя украшает один из трех величественных фасадов Линкольн-центра — не Сороса, а Коха.) Однако, учитывая депрессивные национальные настроения и состояние экономики после выборов 2024 года (когда Трампу в очередной раз не удалось победив в народном голосовании), пожертвования слушателей в пользу NPR сократились примерно на 35 процентов. То же самое верно и для PBS, которая прибегла к недельным марафонам Джуди Денч и 24-часовым циклам концерта Джеймса Тейлора в Тэнглвуде, чередующимся с триумфальным выступлением Саймона и Гарфанкеля в Центральном парке, чтобы заполнить время, освободившееся PBS News- Hour, чья поддерживать отчетность слишком дорого.

В течение следующих нескольких дней мы покидаем центр Вашингтона и исследуем большую территорию DMV, чтобы подтвердить слухи, которые мы получили: слышал: Независимые книжные магазины в Вашингтоне, как и в других городских районах, процветают! Если раньше в городе и пригородах их было всего около 20, то в 2027 году их число вырастет до 67. Жители Вашингтона — читатели, а независимые книжные магазины этого района объединены в профсоюз.

очаги сопротивления в окружающем море мага-«трезвенников», как называют тех американцев, которые дали обещание, данное в первый год его второй администрации президентом Трампом на канале Fox News, «не читать более двух книг». в год — одна из них — Библия «Боже, благослови США», другая — «Искусство судить». Около 40 процентов новой художественной литературы, опубликованной с 2025 года, состоит из антиутопического фэнтези или повествований, которые в некотором роде «оппозиционны» и распространяются как через социальные сети, так и через традиционные издатели. Эти оппозиционные тексты и искусство подпитывают самофинансируемые подпольные классы, альтернативные галереи и повсеместные читательские группы – скрытое течение настольного чтения. Преподаватели вузов чувствуют себя не очень хорошо.

В условиях продолжающегося расширения профессорско-гуманитарного факультета

В ПРОДОЛЖЕНИИ

«ПРЕЗИДЕНТА ТРАМПИАНА» БУДУТ ЕГО ЯРЫЕ ПОКЛОННИКИ, КОТОРЫЕ БУДУТ ЗАДАНЫ ЕГО пренебрежением и мерзким шутством по отношению ко всему, что кажется хрупким и феминизированным.

(ЧИТАЙТЕ: ИСКУССТВА.)

постоянные академические должности в области литературы, истории или философии — немногие оставшиеся ученые и критики загоняются в тематические парки гуманитарных наук, которые университеты поддерживают как прибыльные туристические направления. Искатели ностальгии наблюдают, как академики «в костюмах» (т.е. плохо одетые) бродят вокруг, бормоча странные отрывки из Поупа или Йейтса или инсценируя «проблематизацию» постмодернистской теории, которую маленькие дети почему-то находят очень забавной, сидя с восторгом слушали цитаты Джудит Батлер, к большому облегчению своих измученных родителей.

Между тем, в центре страны последователи Трампа, такие же, как и он, напуганные и разгневанные городским меланжем, контролируют советы публичных библиотек и внимательно следят за новыми выпусками, собирая аргументы наготове, чтобы помешать им добраться до библиотечных полок. Еще до второй инаугурации Трампа количество проблем и запретов книг резко возросло, а их цели расширились.

В настоящее время осуществляется публичный запрет книг; Тысячи трампистов проезжают многие мили, чтобы проводить митинги с вечеринками на задних дверях и огромными карикатурными изображениями отмененных

писатели и обложки их книг. Это стало стандартная процедура для оспаривания странных историй о взрослении, нацеленных на молодежную аудиторию, но теперь даже «классика», такая как Питер Пэн (пансексуальность Питера) и Черная красавица (позор белых читателей), исключена.

Большинство запретов на книги и проблем по-прежнему исходят от правых; но многие книги незаметно исчезают из учебных программ колледжей и библиотек, поскольку либералы и левые, наиболее близкие друг к другу в политическом спектре, не всегда могут согласиться с тем, что лучше бороться с Трампом, чем не навредить друг другу. Просто слишком эмоционально истощающе защищать такие романы, как «Лолита», или таких авторов-монстров, как Норман

в эти тревожные времена. Как предвидел более 60 лет назад критик Дуайт Макдональд в своем классическом эссе «Маскульт и мидкульт», в Соединенных Штатах больше нет «общей культуры». Люди собираются в группы онлайн-чатов, состоящие из единомышленников; транслировать шоу на своих домашних экранах и слушать через наушники; читать книги-

если они читают книги — и говорят о них с друзьями, которые разделяют их вкусы и мнения. Эти ниши и субкультуры в стране континентального размера позволяют чувствовать себя нормально — существуют географические и ментальные пространства, в которых можно спрятаться. Но это во многом потому, что Трамп и его более опытные представители политических СМИ предпочитают сфабрикованное возмущение, направленное против культурного «мусора», который подается наиболее пострадавшим активистам, а не трудные юридические усилия по прямому запрету текстов и художественных мероприятий. Это частная, нервная, самоконтролирующаяся страна, но это также и смешная, и зловещая нация. Трамп олицетворяет, по знаменитому описанию Филипа Рота, «коренного американского берсерка», но дети, хихикающие над профессорами, спорящими о Соссюре, не дают ситуации погрузиться в глубочайшую тьму.

Мы покидаем Америку в 2027 году, когда под солнцем Флориды происходит сцена антиурбанизма, «побега из Нью-Йорка».

Житель Нью-Йорка с удовольствием жуёт свой Биг Мак, прежде чем жульничать в очередной игре в гольф. Лично я все равно возьму Манхэттен. И Квинс тоже.

INR

Морин Корриган, книжный критик программы NPR «Свежий воздух», является профессором английского языка в Джорджтаунском университете.

Повседневная жизнь: запуганная нормальность

Киан Таджбахш

«МОЖЕТЕ ЛИ ВЫ Охарактеризовать иранский режим как «исламо-фашистский»?»

Я колебался, прежде чем ответить. Этот термин был излюбленным среди неоконсерваторов в то время, то есть через год после начала операции «Свобода Ирака». Это был способ спровоцировать возможную новую военную авантюру США в Иране. Но вопрос был от моего бывшего профессора, человека, которого я любил и уважал, Айры Кацнельсона. Не неоконсерватор. Я зашел во время визита в Нью-Йорк после нескольких лет жизни в Иране и знал, что ему нужно мое честное мнение.

Я быстро пробежал контрольный список по фашизму. Политическая власть сосредоточена в руках одного (клерикального) верховного лидера – шах. Единая универсалистская и империалистическая политическая идеология, не терпящая инакомыслия или инакомыслия – контроль. Полицейское государство, использующее военизированные формирования и группы линчевателей для обеспечения морального и социального контроля. Проверять. Принудительная интеграция общественных институтов в государство — судов, партий, средств массовой информации, профессиональных ассоциаций и т. д. — напоминает нацистский Gleichschaltung. И самое главное, самодовольное применение насилия и принуждения против оппозиции и диссидентов — проверьте. Ведущий ученый исламского Ирана Саид Арджоманд сравнил Исламскую Республику Иран с религиозными версиями фашизма в Румынии или Бразилии. Можно утверждать, что Иран больше похож на маленький фашизм Муссолини, чем на геноцидную разновидность большой Германии.

Поэтому я сказал Ире, что да, это правдоподобное описание. Но если это было предупреждение, я не прислушался к нему. Я мог бы остаться в Нью-Йорке, где прожил два десятилетия своей взрослой жизни. Вместо этого я вернулся в Иран, страну своего рождения, которую покинул в детстве. Я горячо верил, что смогу помочь сделать Иран менее фашистским, и, работая над достижением этой цели, я построил жизнь с женой и дочерью. Затем в 2009 году меня заключили в тюрьму как диссидента. Я был одним из американских заложников иранского происхождения, освобожденных в ходе знаменательного дипломатического обмена в рамках иранской ядерной сделки 2015 года. Это событие открыло мне и моей жене, дочери возможность переехать в Соединенные Штаты, хотя оно также наложило отрезвляющее

ограничение на мое поведение. Я согласился на постоянное изгнание из Ирана.

Вернувшись в Соединенные Штаты в 2016 году, я, как и Рип Ван Винкл, оказался в стране, которую во многом не узнавал, и нашел новые причины для беспокойства по поводу нелиберальной политики. Слева движение Black Lives Matter говорило на языке, который был для меня совершенно новым; более крайние выражения антиамериканизма звучали неприятно близко к недовольству моих бывших тюремщиков-исламистов. В Тегеране я надеялся оставить позади себя мир идеологов, порой резких и самодовольных, делающих заявления, совершенно не связанные с эмпирической реальностью.

И справа, о боже. Я был шокирован заявлениями, которые никогда не ожидал услышать в западной демократии. Я не мог поверить своим ушам, когда риторика кандидата Дональда Трампа разрушила основные демократические нормы. Борьба за те же самые нормы привела к моему тюремному заключению в Иране. А затем в 2020 и 2021 годах действия Трампа, направленные на отмену выборов, превратили риторику в ужасающие действия.

Признаки опасности только усилились. Популярность Трампа развенчивает объяснение «республиканцы хотят трампизма без Трампа», демонстрируя вместо этого мощный культ последователей. Обещание Трампа помиловать «заложников» 6 января демонстрирует его поддержку политического насилия.

Видя продолжение многих ужасающих возможностей, я размышляю над трудным вопросом, который я часто задавал себе об исламо-фашистском Иране, и который мы, возможно, будем вынуждены в следующем январе задать Америке Трампа: как многие выносят жизнь? при таком явно репрессивном режиме?

История показывает, что большинству людей удается жить в таких условиях. Судя по всему, даже в нацистской Германии для большей части официально не преследуемого населения повседневная жизнь могла быть вполне нормальной, даже если бы многие знали о концентрационных лагерях. Иранцы знают, что их страна юридически дискриминирует религиозные меньшинства и женщин как граждан второго сорта и отвергает в принципе политический и идеологический плюрализм, и многие из них, вероятно, предпочли бы, чтобы все было по-другому, но большинство из них не думают и не говорят много об этом.

Конечно, есть исключения, такие как молодые женщины и мужчины, которые протестовали против принудительного ношения чадры во время первого феминистского восстания в Иране в 2022 году и одержали хрупкую победу, хотя сдвиг был незначительным, и тысячи протестующих были заключены в тюрьму или убиты. Но многие иранцы живут полноценной личной, профессиональной и насыщенной общественной жизнью; даже многие женщины, которые, если они публично носят обязательное хиджаб, могут свободно работать врачами, инженерами, учеными, менеджерами, чемпионками по спорту, владельцами бизнеса и

Я считаю, что для этого есть много причин. Во-первых, для большинства людей на планете повседневная жизнь гораздо важнее, чем идеи, политические принципы или даже политика. Большинство людей предпочли бы жить в системе, которой они могут доверять, быть свободными от произвольных арестов и гордиться тем, что они являются членами этой системы. Но большинство людей также хотят, чтобы их оставили в покое, чтобы они могли сосредоточиться на семье и детях — что достаточно сложно — и жить в среде, которая позволяет это. По моему опыту, улицы и общественные места в Тегеране чистые, безопасные и упорядоченные — гораздо больше, чем, скажем, в Нью-Йорке, где я живу. Сравнение этих двух вещей заставляет меня съезжаться.

Парадоксально, но традиционалистский консерватизм режима заставляет его поддерживать два института, которые мешают его собственному тоталитарному охвату, но поддерживают позитивную повседневную жизнь: семью и частную собственность. Традиционная исламская юриспруденция включает в себя мощную частную защиту. Домовладение является обычным явлением в Иране, а личное богатство защищается и потребляется такими способами, которые режиму трудно контролировать. В таких домах обычно

убежище. Нормы исламского режима высоко ценят сохранение традиционной семьи, поэтому правительство не вмешивается в дела семьи. Конечно, патриархальные нормы далеки от идеала, и подход правительства к невмешательству, несомненно, усугубляет серьезные проблемы домашнего насилия, особенно в более бедных и менее образованных семьях. Но по той же причине правительство не может заставить тех, кто отвергает исламистский образ жизни, практиковать нормы; сильные, сплоченные большие семьи и системы поддержки соседей создают частную параллельную вселенную, в которой могут нарушаться политизированные идеологические нормы режима. Внутри страны любое послание, призывающее население придерживаться исламистских патриархальных и политических ценностей режима, может быть проигнорировано.

Индоктринацию режима в школах и на рабочих местах можно нейтрализовать дома, и люди смогут, как выразился Вацлав Гавел, «жить по правде».

Иран также достиг относительно высокого уровня жизни благодаря значительным государственным программам и субсидиям на базовые товары, включая образование, здравоохранение и топливо. Существует множество государственных рабочих мест для светской элиты и специалистов среднего класса, которые предлагают гарантии занятости, льготы и, благодаря большому доходу от экспорта нефти и газа, низкие налоги. Этот факт, вероятно, объясняет большую часть терпимости к квазитоталитарной политической системе и дискриминационной социальной системе.

Иран действительно является полицейским государством, в котором службы безопасности действуют практически безнаказанно. Но здесь отсутствует всепроникающее чувство террора и слежки, которое присутствовало, скажем, в Ираке Саддама Хусейна, в сталинской России или в Восточной Германии с ее Штази. Я не уверен, как режим достигает этого, но это так. Подавляющее большинство ведет свою повседневную жизнь в своего рода запуганной нормальности. Существует персидский гений проявления благодати под давлением, культивируемый десятилетиями.

Запуганная НОРМАЛЬНОСТЬ, конечно, не самое привлекательное состояние. Но у американцев, обеспокоенных ростом авторитаризма в нашей стране, возможно, есть основания надеяться, что это, а не что-то худшее, может стать судьбой многих, и мы уже к этому привыкаем.

Размышляя об этом будущем, я думаю о своем разговоре с Кацнельсоном и о странном моменте незадолго до моего освобождения из Ирана, на моем последнем допросе. «Как вы думаете, когда Соединенные Штаты рухнут?» — совершенно серьезно спросил мой следователь.

Джордж Лиониселос над его принятием желаемого за действительное, хотя и боялся, что неправильный ответ может стоить мне неминуемой свободы. Я попытался дать ответ, который успокоил бы его, но не прозвучал бы как ложь, и, полагаю, мне это удалось.

Я сказал ему, как я считал тогда и до сих пор считаю, что американское общество страдает от серьезных разломов, но оно не рухнет в ближайшее время и, вероятно, останется выдающейся сверхдержавой, по крайней мере, в следующем столетии. Но, возможно, мой следователь обрадовался бы, узнав, что всего через несколько лет после нашего последнего разговора я буду читать «Как умирают демократии», книгу Стивена Левицкого и Дэниела Зиблатта об администрации Трампа, и содрогаюсь от узнавания. (Он, конечно же, был бы поражен и обрадован разногласиями, возникшими в результате часто уродливых и нетерпимых пропалестинских протестов в университетских кампусах США, включая недавние протесты в Колумбии, где я преподаю.) В середине 1970-х годов иранский средний класс не мог себе представить, что их модернизирующаяся, процветающая страна может попасть под тотальный контроль средневековой клерикальной диктатуры. И эта невообразимая система до сих пор

набирает силу почти полвека спустя. Возможно, иранские спецслужбы следили за очевидной поляризацией и расколом Соединенных Штатов в 2016 году, и, возможно, они что-то поняли. Но поскольку я видел и жил при квазитоталитарном режиме, я держу высокую планку в размышлениях об опасностях, с которыми сталкивается Америка. Несколько массовых беспорядков, грязные трюки вокруг выборов и несдержанная риторика — это плохо, но это не настоящая статья.

И все же Америка — единственная страна, которая у меня осталась. Мое сердце замирает, когда я думаю о жизни в другом авторитарном государстве. Для меня вопрос так называемого мусульманского запрета является интимным, поскольку политика Трампа резко сократила количество иммиграционных виз для иранцев (и в ряде других стран с мусульманским большинством). Трамп заявил, что желает восстановить и даже расширить его в случае переизбрания. Это вызывает беспокойство, поскольку в мою большую семью в Иране и США входят соблюдающие мусульмане. Моя жена и дочь несколько раз ездили в Иран во время запрета, и у них не было проблем с возвращением в Соединенные Штаты, поскольку они имеют двойное гражданство США и Ирана. Но заявление о воссоединении семьи для моей невестки и ее семьи с целью приезда в Соединенные Штаты находится в процессе уже почти 20 лет, и осталось еще несколько лет; Запрет Трампа на поездки усугубил и без того сломанную и отстающую систему. А следующая итерация может быть еще хуже, создавая атмосферу враждебности, которая, безусловно, повлияет на нас и на целые группы уязвимых мигрантов из мусульманских стран, желающих подать заявление на въезд в Соединенные Штаты в качестве иммигрантов, беженцев, студентов или туристов.

В более широком смысле, это также повлияет на положение США в мире, разжигая мусульманские настроения внутри страны и за рубежом, нанося ущерб делу западной либерализации на всем Ближнем Востоке. Хвастовство и демагогия Трампа, изображающего Америку жертвой безнаказанных насмешников, часто настолько дезинформированы, близоруки и настолько принижают достижения либерального международного порядка после 1945 года, что я боюсь возврата к напряженности, которая предшествовала этому, и ускорили ужасы Второй мировой войны. Под руководством США сотрудничество между странами принесло беспрецедентный уровень мира и процветания людям во всем мире и возможность решать глобальные проблемы, с которыми странам будет трудно справиться в одиночку. Потерять это одновременно опустошительно и опасно.

Повседневная жизнь для меня и моей семьи будет протекать под тенью достижений глобального сотрудничества, свободы передвижения и международной солидарности. Мы наблюдаем возрождение границ холодной войны. Если Иран присоединится к России, Китаю и Северной Корее в каком-нибудь европейском (азиатском) блоке за новой стеной, мир моего ребенка и моих учеников сузится и станет менее богатым местом для роста. Эти механизмы уже запущены, и внешняя политика Трампа может усугубить ситуацию. Даже если бахвальство Трампа в некоторых случаях действовало как необходимый бром, чтобы встряхнуть жесткие, неэффективные системы — подталкивая страны НАТО к увеличению своих расходов на оборону и реальному достижению Авраамских соглашений или привлекая необходимое внимание к Китаю и южной границе — Угрозы команды Трампа западному мировому порядку вполне могут снизить, а не повысить безопасность и процветание американской родины.

Многим американцам не хватает некоторых преимуществ, которые помогают иранцам быть более устойчивыми перед лицом их диктатуры. Один из них — безопасные и спокойные районы, где протекает повседневная жизнь. Я не очень доволен последствиями прогрессивного урбанизма.

повестка дня в таких городах, как Нью-Йорк, для обычных людей среднего класса, таких как я. С моей точки зрения, повседневная жизнь в Нью-Йорке, как правило, менее доступна, менее чиста, менее эффективна, менее безопасна, менее упорядочена и вообще менее приятна, чем в Тегеране — настолько, что почти половина населения желает уехать.

Но существует пугающе вообразимый сценарий, когда дела в Америке станут еще хуже. Пропасть между мировоззрениями левых и правых во время первой администрации Трампа, особенно летом 2020 года, не закрылась. Рональд Браунштейн из The Atlantic утверждает, что обещанная Трампом политика в отношении «голубых городов и штатов может создать самую большую угрозу сплочению нации со времен Гражданской войны». Трамп может попытаться использовать федеральную власть, в том числе вооруженные силы, такие как Национальная гвардия, для депортации миллионов нелегальных мигрантов, задержания бездомных, борьбы с преступностью или подавления протестов — короче говоря, для ведения войны с «голубой Америкой». Могут возникнуть настоящие противоречия между местная полиция и нацгвардейцы.

Предсказание бывшего мэра Филадельфии Майкла Наттера о «хаосе, неразберихе» и «массовых демонстрациях» перед лицом таких нападений вполне правдоподобно. Как урбанист, я боюсь, что городская «петля гибели» приведет к еще более быстрому упадку и разрушению городов, росту преступности и беспорядков, а также потере услуг в городах, которые восстанавливаются. Это нанесет шрам на города и американское общество на долгие годы вперед. Повседневная жизнь в бедствующих городах станет сложнее. Я бы уехал из Нью-Йорка, и многие другие тоже, и важная часть американской жизни атрофировалась бы.

Те, у кого есть деньги, еще больше закроются в своих частных домах, на рабочих местах и в автомобилях, что усугубляет социальные различия. Многим американцам не хватает преимуществ Ирана в виде сильной и обширной системы поддержки семей и общества. Протекционистская экономическая программа Трампа, скорее всего, замедлит экономический рост и возможности, и пострадают многие проигравшие в экономике. Рынок труда Америки, хотя и более гибкий и эффективный, предлагает меньшую защиту занятости по сравнению с жесткой и неэффективной экономикой Ирана, в которой доминирует правительство. Население страны еще больше поляризуется на очень богатых и очень бедных.

Ненавижу доставлять какое-либо теоретическое удовольствие офицеру разведки, который спросил меня, когда я думал, что Соединенные Штаты развалятся. Но здесь я обдумываю непостижимые сценарии будущего. Если произойдет худшее и демократический либерализм в Америке начнет ослабевать, повседневная жизнь всегда будет продолжаться, как это было при худших режимах в истории. Но в конечном итоге, боюсь, в повседневной жизни американцы не будут столь же устойчивы к фашизму, как иранцы, по всем причинам, которые я изложил. Мы переживем это, но нам будет тяжелее.

Тем не менее, в контрасте, который я нарисовал, кроется ирония: сама устойчивость иранцев — или любого народа — живущих под авторитарным правлением, непреднамеренно питает долголетие режима. И наоборот, более низкая толерантность американцев предполагает двойную судьбу: более быстрое восстание перед лицом тирании или, если злонамеренные силы возьмут верх, тяжелую борьбу за выживание. Это глубокое понимание, которое Чеслав Милош осознал в условиях человеческого существования при тирании: не острый интеллект разжигает бунт, а внутреннее отвращение тех, кто больше не может его переносить.

TR

Киян Таджабаш, президентский научный сотрудник Комитета глобальной мысли Колумбийского университета и адъюнкт-профессор Школы международных и общественных отношений, преподает международные отношения и написал книгу «Создание местной демократии в Иране: государственное строительство и политика децентрализации».